



Российская Академия Наук

Отделение историко-филологических наук

Н. Н. КАЗАНСКИЙ

**ОЧЕРК ФОНОЛОГИИ
ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА**

Москва
2017

УДК 80/81
ББК 81.0
К 142

Казанский Николай Николаевич. Очерк фонологии латинского языка. Москва: Российская академия наук, 2017.

При интерпретации латинских текстов необходимы определенные знания в области фонологии латинского языка. Данный очерк, основанный на лекциях, читавшихся автором на протяжении многих лет в СПбГУ, призвана служить введением в эту непростую проблематику.

Книга включает в себя следующие разделы:

1. Фонетическая система латинского языка и источники знаний о фонологии латинского языка.
2. Система консонантизма и ее отражение в текстах (смычные, назальные, плавные /l/ и /r/, спиранты, полугласные)
3. Система вокализма (гласные, дифтонги).

Interpretation of Latin texts demands a certain degree of acquaintance with the phonology of Latin language. The present essay based on lectures read by the author over many years at the Saint Petersburg State University, aims to introduce the reader to this complex topic.

The book includes following chapters:

1. Phonetic system of Latin and sources of data on Latin phonology.
2. Consonantal system and its reflection in written sources (occlusives, nasals and liquid sonants, spirants, semivowels).
3. Vocalic system (vowels, diphthongs).

ISBN 978-5-906906-82-3

© Российская академия наук, 2017
© Н. Н. Казанский, 2017



ОЧЕРК ФОНОЛОГИИ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА

I. Фонетическая система латинского языка изучалась на протяжении нескольких столетий, в том числе в XX веке использовались также достижения фонологии. На русском языке обобщающими трудами остаются книги И. М. Тронского (Тронский 2001), который во многом опирался на Ф. Зоммера (Sommer 1914) и первое издание книги М. Леймана (Leumann 1977). За последние несколько десятилетий появились новые материалы и новые интересные обобщения (Weiss 2009), которые, как представляется, было бы полезно рассмотреть в критическом изложении. Основу данного очерка составили наблюдения С. Аллена (Allen 1978), к которым добавились новые материалы и изложение новых проблем. Начиная с монографии Схрайвера (Schrijver 1991) при изучении становления фонологического облика латинских слов активно используются достижения ларингальной теории (Sihler 1995). Подробно исследуются данные, позволяющие установить особенности разговорной латыни (Hofmann 1951; Dickey 2016; Dickey, Chahoud 2010).

При интерпретации собственно латинского материала важны особенности использования латинского алфавита и определения фонем, стоящих за графикой не только отдельных букв, но и сочетаний букв.

Обычно считается, что имеющиеся в нашем распоряжении материалы демонстрируют следующий фонемный состав латинского языка, включающий 12 гласных (ā/, /ē/, /ī/, /ō/, /ū/, /ā/, /ē/, /ī/, /ō/, /ū/, дифтонги /ae/, /au/) и 17 согласных (/b/, /k/, /d/, /f/, /g/, /g^h/, /h/, /j/, /l/, /m/, /n/, /p/, /k^h/, /r/, /s/, /t/, /t^h/) (Brandenstein 1951). На самом деле к этому минимальному списку, во многом просто повторяющему римский алфавит классического времени, возможно, следует добавить еще несколько единиц.

При фонологической интерпретации форм классического времени в ряде случаев приходится обращаться к условностям графики предшествующих периодов. Такая интерпретация во многом связана с вопросом об источниках заимствования латинского алфавита: следует ли искать его истоки непосредственно в греческой традиции или предполагать этрусское посредство.

В южной области распространения этрусского языка (Веи, Цере, Тарквинии) знак <X> читался как /s/¹, а в латинском алфавите <X> читается как /ks/. В последнее время отмечается общность архаического латинского письма с эвбейским. В качестве доказательства приводится надпись, нанесенная до обжига сосуда на кратере, изготовленном на Эвбее ок. 720 г. до н. э.: ΕΧ ΘΕΟ = ἐξ θεῶ, где знак <X> отчетливо передает /ks/. С опорой на древнеаттический способ передачи /ks/ с помощью диграфа <XΣ> предполагается, что изначально на Эвбее <X> передавало /k^hs/. Употребление знака <X> = /ks/ засвидетельствовано и в надписи на римском форуме («черный камень», ок. 600 г. до н. э.): *Iou+menta /iouksmenta/* (лат. *iumenta*). Р. Джанко (Jancko 2015: 1–32) усматривает в таком написании прямую преемственность с алфавитом Этретрии.

Одновременно приходится констатировать, что передача глухого /k/ с помощью лунарной гаммы и, возможно, передача спيرانта /f/ диграфом <FH> (ранние примеры в тексте на пренестинской фибуле <FHE:FHAKED> /fefaked/ ('fecit'), ср. надпись Вендия (620–600 гг. до н. э.) *ego urna Tita<s> Vendias Matar[]*) согласуются с этрусскими традициями, однако греческое влияние прослеживается не только в особенностях написания букв, но даже и в самом их присутствии, поскольку знаки , <D>, <O> отсутствуют в этрусском алфавите.

Самый ранний этрусский алфавит представлен на мраморной учебной табличке 2-ой четверти VII в. до н. э. (670–640 гг.) (Pandolfini, Prosdocimi 1990), причем перечисляются все

¹ Такое же употребление представлено в мессапском. Р. Шмитт предполагал, что в отличие от так называемых «красных» алфавитов, в которых употребление знака <X> = /ks/ совпадает с римской практикой, первоначальный греческий алфавит (ursprüngliche Zeichenformen) включал знак ξ с возможным значением /s/ (?) (Schmitt 1991: 12).

открытые слоги этрусского языка, включая /ś/, отобранное как <X>: ci ca cu ce vi va vu ve zi za zu ze hi ha hu he θi θa θu θe mi ma mu me ni na nu ne pi pa pu pe ri ra ru re si sa su se xi xa xu xe qi qa qu qe ti ta tu te. Такого рода надписи отражают способы обучения письму, а последовательность гласных в слогах находит определенные параллели в восточных традициях. Менее вероятен для римского алфавита сабинский источник, хотя влияние со стороны оскской графики на римскую в более позднее время доказывается убедительными примерами.

Источники знаний о фонологии латинского языка.

Следует иметь в виду, что для «мертвого» латинского языка в нашем распоряжении имеются только тексты, которые записаны его носителями с определенными условностями, для них привычными. Так, латинская орфография не фиксирует долготу гласного (во II в. до н. э. делалась попытка по образцу оскских текстов, в которых долготу передает удвоенный знак для передачи гласного, ввести такую же норму для латинского языка: оск. *aasai* соответствует лат. *ārae*), никогда не фиксируется интонация, не фиксируется и ударение.

Названные ограничения при интерпретации античных текстов филологическими методами следует иметь в виду и когда речь идет о лингвистической интерпретации. Есть определенный *исторически соотнесенный* слой в семантике (и интерпретации!) текста, доступный только современникам автора и угадываемый ими в фонотактике и стилистике словесного произведения. Если подобные особенности не сохранились или не были отмечены современниками, то в процессе бытования текста они замещаются другими – «вечными» смыслами, связанными не столько с речевой (словесной) фактурой определенного времени, сколько с общечеловеческими экзистенциальными ценностями, лежащими в основе отбора произведений, сохраняющих актуальность для читателей «в веках».

То, что мы отчетливо можем вскрыть филологическими методами и объективно доказать, должно быть предметом тщательного лингвистического анализа, имеющего свои ограничения. Одним из труднопреодолимых препятствий на пути

сравнительно-исторической реконструкции языковых явлений, документально не засвидетельствованных, является проблема соотношения графики и звуковой интерпретации текста, на основе которой возможно составить представление о фонологической системе латинского языка² с учетом изменений в произношении³.

В латинском языке классического периода отсутствовала аффриката /ts/, поэтому можно не сомневаться, что имя Цицерона (Cicero) представляло собой форму /Kikerō/, в чем нас убеждает и греческая передача Μάρκος Τύλλιος Κικέρων (Plut. Cicero 4. 6; Dio Cass. 46, 18 etc.). В этом написании, однако, ударение смещено в соответствии с правилами греческого языка, в то время как латинское ударение должно было выделять первый слог.

В средневековой латыни аффриката /ts/ уже существовала, так что имя Цицерона произносилось как /CiCero/. Если целью филологического анализа является, в частности, попытка приблизиться к звучанию текста, которое «слышал» его автор, в нашу задачу входит правильная интерпретация звуковой стороны исследуемого памятника письменности. В решении этой задачи мы значительно ограничены, коль скоро фонетическая интерпретация, включающая все фоностилистические нюансы, нам недоступна. Но фонологическая интерпретация текста не только возможна, но и необходима именно из-за отсутствия данных о таких произносительных нюансах. В случае новолатинской литературы мы так же, как и для классической латыни,

² Данная глава во многом основана в части звуковой интерпретации латинского текста на книге Сиднея Аллена *Vox Latina* (Allen 1978). Разумеется, его материалы были пополнены как за счет обращения к теоретическим работам, так и к исследованиям по фонологии латинского языка, например в концептуальной статье Кс. Миньо (Mignot 1975: 203–231).

³ Корректное фонологическое обобщение возможно только на основе *установленных* фонетических реализаций данного языка. Изменения могут быть удовлетворительно объяснены лишь в контексте *выявленных* тенденций эволюции фонологической системы. Иначе говоря, фонетика и фонология взаимодополняют друг друга, когда речь идет об осмыслении исторической фонетики языка.

обязаны приблизиться к звуковой форме авторского текста, включая наличие аффрикаты /ts/.

Внимательный читатель без сомнения заметил, что греческая передача имени Μάρκος Τύλλιος Κικέρων содержит несколько несоответствий латинскому произношению: замена *-us* на *-ος* (Μάρκος Τύλλιος), что не имеет отношения к фонетике, но делало форму узнаваемой для грека, а также принцип транслитерации, когда осуществляется передача латинского /u/ с помощью греческого υ, за которым в эллинистическое время уже определенно стояла фонема /ü/. Помимо таких особенностей нам приходится ориентироваться при фонологической интерпретации на различные периоды бытования латинского языка, учитывать региональные варианты (Adams 2007) или взаимодействие латыни с национальными языками в Европе Нового времени. Разумеется, не во всех случаях детальная реконструкция фонологической системы и фонологическая интерпретация текста возможна, однако доступно оптимальное научно обоснованное приближение к изначальной «звуковой» форме текста. Речь идет в данном случае о некой обобщенной фонологической абстракции, а не о реальном звучании, стоявшем некогда за текстом – оно остается для нас недоступным.

Основу фонологической реконструкции «звучаний» классической латыни составляет анализ графики с привлечением для сопоставления различных способов передачи текста, например, значительных кусков латинского текста, записанных греческим алфавитом.

Приведем несколько примеров по изданию Иог. Крамера (Kramer 1983) из двуязычных словарей, отражающих спряжение глаголов в папирусе, датированном I в. до н. э.:

P. Berol. 21246 fr. 1 l. 5–14 [α]ποδος – ρεδδε / αποδωσωι – ρεδδαμ / αποδιωμι – ρεδδω / [α]ποδεδωκα – ρεδδιει / [α]ποδεδωκεν – ρεδδιδιτ

P. Berol. 21246 fr. 4 l. 48–57 ηλ[θ]ετε – [ο]υνην[στ]ις / η[λ]θομεν – ουνημους / ηλθον – ουνηει / ηρχε[τ]ε – ουνηηβα[τις] / ηλθε{λε}ν – ουνηβατ.

В это время в греческом языке еще наблюдается противопоставление долгих и кратких гласных, причем /i/ изредка уже передается диграфом <ει>. Сопоставляя написание *redde* ρεδδε,

reddam ρεῖδαμ, *reddō* ρεῖδω, *reddidī* ρεῖδιδει, *reddidit*, *uēnistis* [o]υνηι[στ]ις, *uēnimus* ουνηιμους / *uēnī* ουνηει (P. Berol. 21246 fr. 4 l. 48–57), можно усмотреть достаточно последовательное соответствие между греческими и латинскими формами. В некоторых случаях интерпретация обнаруженных соответствий оказывается сложнее. Мы могли бы воспринять форму ουνηιβατ как связанную с глаголом *uēneō* ‘поступать в продажу, продаваться’, если бы не знали, что перед нами перевод греческих форм глагола ‘приходить’ ηρχε[τ]ε – ουνηιβα[τις] / ηλθε{λε}ν – ουνηιβατ. Остается только предполагать, что при образовании форм имперфекта была использована по аналогии основа перфекта (*uēnērunt*), так что вместо правильных форм *uēniēbātis* и *uēniēbat* обнаруживаются *uēnēbātis* (ουνηιβα[τις]) и *uēnēbat* (ουνηιβατ) с загадочным исчезновением *-i-*, входящего в основу презенса (все-таки произошла контаминация форм с глаголом *uēneō*? или же на слух⁴ последовательность /iē/ воспринималась как восходящий дифтонг, которых не было ни в латыни, ни в греческом, и поэтому его передавали с помощью одной лишь *эты*?).

Совершенно отчетливо латинское *h* идентифицировалось греками с густым придыханием (уже не произносившимся в это время), поэтому все латинские слова пишутся греческим алфавитом как (*h*)*ospitem* (fr. 5 64 ξενον ...– οσπιτ[εμ]); *omo* = *homo* (fr. 7 118); несколько архаизирующим является произношение *ingeniom* (стк. 58 ιγγεν[ι]ομ, переводящее η φύσις) при том, что *ingenium* было уже в повсеместном употреблении, да и далее в тексте окончание *-bus* передается как -βους.

Позднее, в V–VI вв. н. э. (P. Berol. Inv. Nr.10582), когда в греческом языке уже произошел переход /b/ > /v/, наблюдаются написания [λιβεντε]ρ τη : βιδεω = *libenter tē videō* (l. 47) κουοδ βως : βουλιτις = *quod vōs vultis* и βως : νεσκ[τω] = *vōs nesciō*, где *βετα* передает и фонему /b/, и /v/. Отмеченные особенности передачи

⁴ Соблазнительно сопоставить эти данные с письмами, в которых обнаруживается *mittes* ‘ты послал’ вместо *mittis*, а также *debio* вместо *debeo* ‘я должен’. В письме из Голланда 29 г. н. э. появляется *debo* вместо *debeo*, причем это не единичный пример (Clackson 2011: 522 со ссылкой на: Bowman *et al.* 2009).

речи знаками другого алфавита следует иметь в виду, включая принятые в обоих языках правила орфографии. При этом соотношение между фонетикой и графикой в латинском языке в целом проще и ближе к произношению, чем, например, в современных английском или французском.

Следует, впрочем, иметь в виду несколько графических условностей: неразличение на письме долгих и кратких гласных (*mālus* ‘плохой’ и *mālus* ‘яблоня’ part. perf. pass. *uīctus* ‘побежденный’ (*uīncō*) и *uīctus* ‘средства пропитания’ (*uīuō*). Неразличение знаков для гласных (слоговых) и неслоговых (согласных) /i/ и /u/, а также необозначение на письме архаических памятников удвоенных согласных создает дополнительные трудности при фонологической интерпретации текстов, поскольку удвоение согласных влияло на слоговую структуру слова.

Удвоенное написание согласных ввел, как сообщает Фест, поэт Энний (Fest s. v. *solitaurilia*), однако даже в официальной надписи 117 г. до н. э. удвоенное написание согласных еще не стало нормой. Во времена Августа удвоение буквы иногда отмечали специальным надстрочным знаком sicilicum <OŠA> = /ossa/. Изменения в римской орфографии происходили несколько раз (введение новых букв: G, чтобы отличить звонкое /g/ и глухое /k/ на письме; обозначение с помощью апекса долготы гласного в реформе августовского времени и др.). Разумеется, от предыдущих навыков письма сохраняются пережитки: так, имя *Gaius* < *Gaius* традиционно сокращается как C. Сохраняются и позже такие особенности, как написание сравнительной степени *maius* (< *mag-ios*), хотя фонологически здесь присутствует /mai-ius/ и др.

Одновременно с этим следует иметь в виду морфологический принцип латинской графики, преподававшийся в школе, при котором приставка *in-* неукоснительно отображалась именно так, хотя при произношении происходила ассимиляция, например, в *illustris*. Памятники Виндоланды показывают, насколько в подобных случаях даже люди с не самым высоким уровнем образования следовали этому принципу письма, воспринятому со школьной скамьи.

Несмотря на несколько произведений, которые так и называются *de orthographia*, в нашем распоряжении нет свода правил, по которым велось преподавание в римской школе. Между тем такие правила существовали, а при фиксации звукового разнообразия огрубление осуществлялось в разное время по-разному. Многие из таких особенностей еще ждут объяснения, однако некоторые черты, менявшиеся на протяжении столетий, хорошо видны: написание дифтонгов, уже монофтонгизовавшихся, написание *uiuos = uiuus* и другие особенности так называемого архаического языка. Элизия, которая сопровождает произнесение любой поэтической строки – явление неизменное на протяжении всей римской литературы, очевидно, отражающее реальное произношение стиха. В обычных случаях элизия не отмечена в дошедших текстах, так что ясно, что орфографические правила требовали записывать словоформу полностью, включая окончание. В греческой традиции такие правила орфографии иногда также использовались, ср. эпиграмму Писистрата (ок. 520–510 гг. до н. э.), демонстрирующую в записи на камне (ср. IG I² 761) отсутствие элизии:

μνεμα **τοδε ηεε** αρχεε Πεισιστ[ρατοε ηιπλιο η]uiοε
θεκεν Απολλωνοε Πυθ[ι]ο εν τεμενει,

при том, что в тексте Фукидида, цитирующего эту надпись (Thucyd. 6. 54.7), элизия отмечена:

μνημα τόδ' ἥεε αρχῆε Πεισίστρατοε Ἰπλίου υἱόε
θηκεν Ἀπόλλωνοε Πυθίου εν τεμενει.

Использованный во времена Писистрата способ записи предполагает полную фиксацию словоформы. Такого способа передачи текста, когда слово воспринималось как независимое от потока речи, придерживались и римляне. Но в реальном произнесении латинского стиха обязательно присутствовала элизия.

Школа сыграла важнейшую роль в выработке норм фиксации латинского текста. Мы знаем, что латинское произношение несколько отличалось по регионам (Adams 2007), так что римляне узнавали в императорское время выходцев из провинции и подсмеивались, например, над нестоличным выговором

Адриана, произносившего свою императорскую речь в сенате с особенностями провинциального говора: (Hadrianus) *cum orationem imperatoris in senatu agrestius pronuntians risus esset* (Script. Historiae Augustae. *Hadr.* 3.1). Такие особенности фоностилистики при анализе письменного текста для нас недоступны, хотя не приходится сомневаться в их реальном существовании. Полуграмотные надписи показывают возможный разброс в произношении, но не позволяют выстроить систему фонематически значимых противопоставлений.

II. Система консонантизма и ее отражение в текстах.

Фонемы латинского языка традиционно делят на несколько классов, внутри которых наблюдаются разнообразные противопоставления или *оппозиции*.

Смычные. По способу произнесения выделяют смычные согласные, которые по месту произнесения подразделяются на лабиальные (губные), дентальные (зубные), велярные (заднеязычные, гуттуральные) и лабиовелярные⁵. Если смычка происходит с минимальной задержкой, создается эффект *придыхательного смычного*. Неполная смычка дает фрикативный или *спирант* (свистящий) губно-зубной /f/ и /v/, дентальный /s/ /z/, средняяязычный /h/. Латеральные спиранты /l/ и /r/ обычно классифицируются как *сонанты*.

Сонанты /m/, /n/ (и, возможно, /ŋ/) делятся по месту произнесения так же, как взрывные смычные, на *губно-губные*, *дентальные* и *заднеязычные*, но основным их признаком является назализация, поэтому они определяются как *назальные* или *носовые*. Как правило, назальные являются звонкими.

Деление смычных согласных может быть представлено в виде таблицы:

Таблица 1.

билабиальные	p	b
дентальные	t	d
гуттуральные	k	g
лабиовелярные	k ^u	g ^u

Противопоставление глухость/звонкость для согласных латинского языка безусловно имело фонологическое значение, однако римские грамматики скорее отмечали разницу в месте

⁵ Иногда для праиндоевропейского языка выделяют (в соответствии с теорией Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванова и Пола Хоппера) также *глоттальные* (глоттализированные), отличающиеся дополнительной гортальной смычкой (Гамкрелидзе, Иванов 1984).

артикуляции (ср. ниже свидетельство Мария Викторина о дентальном произношении /d/ и альвеолярном для /t/). Отмеченное различие по месту образования дентальных не могло быть фонологическим⁶, тем более, что противопоставление по принципу участия голосовых связок при произнесении /b/, /d/ и /g/ подкрепляется единым отражением оппозиции глухость /звонкость во всех романских языках.

Написание не всегда помогает определить фонологическую или орфоэпическую значимость звуковых различий. Особую проблему составляют случаи соответствия латинских звонких смычных греческим глухим смычным: κυβερνάω при gubernāre, πύξος при buxus; Энный передавал имя Пирра (Πύρρος, Pyrrhus) как Burrus (Cic. Or. 160). Такого рода озвончение встречается и позже, ср. в качестве совсем поздней параллели итал. bottega, восходящее к греч. ἀλοθήκη.

Даже в классическом латинском языке по правилам орфографии глухой смычный в ряде случаев отражается с помощью знака, передающего звонкий смычный, например, написание *urbs*, безусловно отражающее /urps/, а также все подобные написания *plebs*⁷, *trabs*, *optineo*, *obsideo* и даже обычное *scriptura* в надписях представлено единичными примерами написания *scribtura* под влиянием глагола *scribo*. Квинтилиан (Quint. I.O. I, 7, 7) замечает, что согласно логике

⁶ Ср. описание этих звуков у Мария Викторина (Mar. Vict. GL VI 33 K): *b et p ... dispari inter se oris officio exprimuntur. nam prima exploso e mediis labiis sono, sequens compresso ore uelut introrsum attracto uocis ictu explicatur, c etiam et g... sono proximae oris molimine nisuque dissentiunt ... g uim prioris pari linguae habitu palato suggerens lenius reddit* – ‘b и p ...произносятся с разным усилием губ. Первый – благодаря взрывному звуку из середины губ, с помощью сжатого рта, как если бы звук изнутри происходил толчком, а c и также g... в глубине рта различаются усилием звука ... g при том же положении языка, понятого к нёбу, производится с более слабым усилием’.

⁷ В латинских надписях присутствуют написания *pleps*, *opsides*, *apsoluere*, *optinebit* etc., показывающие самим фактом нарушения орфографической нормы истинное произношение, предполагавшее позиционное оглушение согласного. Иную проблему представляют собой написания δεκεμτερ и воεμ[π]ερ в греческой передаче IV в. н. э. (P. Fay. 135 verso 6–7).

(ratio) вторая буква в слове *'optimuit'* должна быть такой, чтобы можно было узнать приставку, а слышится безусловно глухое *p* (*secundam enim b litteram ratio poscit, aures magis audiunt p*).

Такое же оглушение должно было происходить и в случае с *obfero* при варианте написания *offero*. Во всех подобных случаях речь идет об условностях орфографической нормы, не учитывающей позиционное оглушение /b/. Также не учитывается ассимиляция в написаниях *submoueo*, *obgero*, *subcingo*, *subripio* при вариантах *summoueo*, *oggero*, *succingo*, *surrripio*. Очевидно, что здесь речь идет только о графической норме, охватывающей в рамках морфологического принципа орфографии все приставки. Так, наряду с написаниями *adsequor*, *adtineo*, *adripio*, *adfui*, *adpono*, *adgredior*, *adcurro* представлены написания с полной ассимиляцией *assequor*, *attineo*, *arripio*, *affui*, *appono*, *aggredior*, *accurro*. Сидней Аллен кроме этого списка ссылается на игру со словом *assum* (*ad-sum* 'я здесь' и *assum* 'жаркое' уже у Плавта (Рoen. 279): *Agor. Milphio, heus, ubi es? Mil. Assum ápud te, eccum. Agor. At ego elixus sis volo*⁸).

В античности на орфографию обращали больше внимания. Вот как формулирует свое чисто орфографическое правило Великий Лонг:

«И в случае *appello*, где одно будет *navem appellentis* ('призывающие корабль'), другое из-за глагола – *pecuniam appellantis* ('требующие денег'). Мы же видим, что во всех глаголах, которые начинаются с буквы *p* (т. е. звука – Н.К.), можно думать, что опускается *d* удваивается *p*, как в случаях *paret apparet, ponit apponit* и *pungit appungit*. Также и в формах слов, которые начинаются с буквы *c*, при присоединении этой приставки не может звучать буква *d*. Подобно этому удваивается буква в случаях *capio accipio*. Поэтому Луцилий (Lucil. 9, 375–380) говорит: "так же пиши и *accurrere* с *d* а не с *c*, чтобы искать не пришлось и попасть в затрудненье"».

В дентальный ряд входит также глухой /t/, причем Теренциан Мавр подробно описывает способ произнесения [t] (скорее альвеолярный, чем собственно дентальный): «место зарождения

⁸ **Агорастокл:** Мильфион! Эй! Где ты? **Мильфион:** Здесь я. **Агорастокл:** Здесь, однако, да не весь. (пер. А. В. Артюшкова).

которого в глубине над верхними зубами, <при этом для произведения> звука достаточно коснуться кончиком языка»⁹.

В архаической латыни фонема /t/ неизменна во всех позициях кроме случаев перехода /-t/ > /-d/ во флексии исторических времен и группы -*tt-* (*uīsum* < **uittum* < **uid-tum* ‘чтобы видеть’).

В императорскую эпоху группа -*tl-* в народном языке переходит в -*cl-* (*uetulus non ueclus* – App. Probi 5), а конечный -*t* отпадает (*ama* = *amat*, *peria* = *pereat*, *ualia* = *ualeat* (Помпеи, CIL IV 1173), *quiescun* = *quiescunt* (CIL X 6785), *fecerun* = *fecerunt* (Рим, CIL VI 7498). Эта особенность, представленная в ит., исп., порт. *canta*, фр. *chante* ‘он(а) поет’ < *cantat*, переходит и в романские языки, за исключением говоров северной Галлии и Сардинии.

Заднеязычный /k/ сохранялся во всех позициях и по всей территории Римской империи. Затем перед гласными переднего ряда /i/ и /e/, вероятно, еще до V в. н. э. /k/ переходит в /ts/ повсеместно (за исключением далматинской латыни¹⁰), а также говоров Сардинии (Логудоро), где произносят *kerbu* ‘олень’, *kelu* ‘небо’ и т. д.

В латинских надписях встречается знак <K> там, где мы ожидали бы написание с <C>, и такое произношение подтверждает передача латинских слов средствами греческого алфавита (Κικέρων, κήνσφρ etc.). В пользу правильности такой интерпретации говорят и ранние заимствования из латыни в германские и кельтские языки. В латинском языке *centum* очевидно имело начальный /k/, ср. *kentu* сохранившийся только в сардинском диалекте Логудоро, а в остальных романских языках перешедший в аффрикату и далее в спирант (итал. *cento*, фр. *cent*, исп. *ciento*). Единство фонемы /k/ подчеркивают данные

⁹ «*at portio dentes quotiens suprema linguae pulsaverit imos modiceque curva summos, tunc d sonitum perficit explicatque vocem t, qua superis dentibus intima est origo, summa satis est ad sonitum ferire lingua.*» (Ter. Maurus VI 331 K.).

¹⁰ Обозначение «далматинский язык» (*Dalmatica Lingua*) впервые использовал К. Геснер в «Митридите» (Цюрих, 1555) как обозначение языка Иллирии (Далмации). В научный обиход его ввел М. Бартоли в значении романского языка Далматинского побережья Балканского полуострова (Bartoli 1906). См.: Степанова, Сухачев 1990: 248–257.

римских грамматиков. Варрон (ар. Prisc. II 30 К) приводил пример на заднеязычный носовой [ŋ] в позиции *anceps* и *ancora* из чего следует, что знак <C> передавал реализацию одной и той же фонемы /k/ или удвоенного /kk/¹¹.

В самых ранних латинских надписях использовались три знака для передачи фонемы /k/, которая в классической латыни стала обозначаться одной буквой <C>. Такие написания, как *faced* при *liktor*, *kaput* и *qomes*, *qura*, показывают графические особенности, свойственные архаическим греческим диалектным надписям, в которых *konna* передает фонему /k/ перед огубленными гласными, а *kanna* употребляется во всех остальных случаях. В классическое время сохранилось латинское написание *Kalendae* и сокращение *K.* для имени *Kaeso*. Гамма во всех греческих диалектах (в том числе и полукруглая, т. н. «лунарная») передавала звонкий заднеязычный, но в этрусских текстах знаки употреблялись безотносительно к противопоставлению глухость/звонкость. Давние споры об истоках латинского алфавита и роли этрусского посредства в его формировании продолжают быть актуальными. Однако вне зависимости от решения этого вопроса ясно, что в рамках римской культуры написание разных падежных форм одного слова (например, **loqus*, **loka*, *loci*) тремя знаками никак не упрощало восприятие текста и не имело фонологического (смыслоразличительного) значения.

¹¹ Ср. свидетельство Велия Лонга (GL VII 54): «Когда мы произносим *hic est ille* ('это он') мы пишем одно <C>, но слышим два /kk/, что проявляется в метрике, ибо

*hoc erat alma parens, quod me per tela, per ignes
eripis,*

если бы одно /k/ оканчивало бы этот слог, стих оказался бы ацефалическим и не мог бы начинаться с долгого слога, что необходимо для героического стиха. Следовательно, либо следует писать с двумя <C> *hocc erat alma parens*, либо признаться, что пишется одно, а произносится другое». Замечание Велия Лонга точно указывает на этимологию формы среднего рода местоимения **hod*, к которой была добавлена частица *-ce*, так что получилось **hod-ce*, а после ассимиляции и апокопы конечного гласного – *hoc*.

Для латинского языка было свойственно противопоставление глухих и звонких, поэтому в алфавит было внесено изменение: добавленная поперечная черта <G> позволила обозначать звонкий заднеязычный, противопоставленный глухому <C>. Это изменение традиция приписывает Спурию Карвилию Руге (III в. до н. э.), однако существует и менее надежная версия¹², связывающая появление знака *G* с деятельностью Аппия Клавдия Кека (конец IV в. до н.э.). Следы старой орфографической нормы продолжали сохраняться на всем протяжении истории латинского языка в сокращении имен собственных *C. = Gaius* и *Cn. = Gnaeus*.

При этом фонема /g/ так же, как и /k/, оставалась неизменной, что показывает греческая передача, например, имени Γελλίος = *Gellius*.

Правдоподобно, что в положении перед <n> знак <g> передавал заднеязычный носовой [ŋ], возможно даже, что была отдельная фонема /ŋ/, т. е. *agnus* = /aŋnus/. Такое предположение подтверждается написаниями *ingnes*, *ingnominae* вместо *ignes*, *ignominiae*, *ignosco* вместо *ingnosco* и регулярное *cognatus* (< congnatus). Подробнее см. раздел, посвященный назальным.

Лабиевелярные (/k^h/ и /g^h/), при реализации которых действует и заднеязычная смычка, и работа губ, представляют собой типологически редкий класс фонем¹³. Фонема /k^h/ в латинском языке обозначается диграфом <QU>. Перед лабиевелярным сохраняется различие носовых *m* и *n*, при том что перед смычным /k/ обязательна ассимиляция *tunc* < *tum*+се, однако все примеры на сохранение *m* относятся к одной конечной позиции перед частицей *-que*. Это может быть орфографическим правилом сохранять флексию в неизменном виде перед *-que*, так что попытки Сиднея Аллена увидеть здесь фонетические особенности выглядят не до конца доказанными.

¹² Такое предположение высказал еще Г. де Санктис, однако столь ранняя датировка в исследованиях последних лет ставится под сомнение, см.: Humm 2005.

¹³ Согласно сетевому ресурсу World Atlas of Language Structures (WALS) лабиевелярные представлены в 10% языков мира.

Действительно, перед *-que* всегда сохраняется *-m* аккузативной флексии, однако так же сохраняется и греческая по своему происхождению флексия *-n*, ср. *Ascanium Anchisenque patrem Teucrosque penatis* (Verg. Aen. 2 748). Не исключено, что в сохранении *-m* перед *-que* мог играть свою роль принцип морфологической узнаваемости формы.

Более серьезным аргументом для выделения отдельной фонемы служит отсутствие удлинения предшествующего слога, которое неизбежно происходило бы при восприятии диграфа <QU> как группы согласных. Однако и здесь наблюдается путаница в разных традициях. Так, лат. *equus* демонстрирует лабивелярный, однако скр. *ásva-* не менее отчетливо говорит о группе согласных. Микенское написание *i-go* может интерпретироваться как /ik^uos/ или /ik^uk^uos/ с незакономерным сужением начального гласного, что было унаследовано позднейшим греческим языком, где в ряде ионийских диалектов представлено *ἴκκος*, а в аттическом – *ἴπλος* с незакономерным густым придыханием. То же самое наблюдается в литовском *žvėrys* ‘зверь’, которому соответствуют рефлексы лабивелярной фонемы в греческих диалектах – *θήρ* и *φῆρ*, а также восходящее к этому же корню латинское прилагательное *feroculus* ‘жестокий’. Удлинение первого слога слов *āquai* (VI 863), и *līquidus* у Лукреция (I 453–4), возможно, говорит о диалектном произношении слова как содержащего первый закрытый слог. Аппендикс Проба (GL IV 198 K.) специально отмечает «*aqua non asqua*», но итальянский язык, сохранивший форму *asqua*, свидетельствует о достаточной распространенности такого произношения.

Тем не менее, на основании других традиций (например, греческой с учетом микенского материала), на ранних стадиях истории языка можно думать об отчетливом противопоставлении лабивелярного и группы согласных. Это подтверждает и квантитативная латинская метрика, в которой случаи удлинения

предшествующего слога перед лабиовелярным являются скорее нарушением римской орфоэпической нормы¹⁴.

В нашем распоряжении есть такие минимальные пары противопоставлений как *aquis* /ǎkʷis/ abl. pl. – *auis* /ǎuĩs/ pl. и *lŏquor* ‘говорить’ – *lŏcor* ‘размещаться’ (Touratier 1971: 343), где первый слог остается кратким. В классической латыни лабиовелярный обычно представляет собой отдельную фонему, а исключения немногочисленны, например, у Лукреция встречается дактилическая форма *liquidus* /lik-ũĩ-dũs/ с метрическим удлинением в первом слоге как при бифонемном сочетании /k+ũ/:

*in saxis ac speluncis permanat aquarum
liquidus umor et uberibus flent omnia guttis.* (Lucret. I, 350).

Так, сквозь камня пещер сочится текучая влага
Вод, и слезятся они обильными каплями всюду.

(пер. Ф. А. Петровского).

Одновременно у того же Лукреция присутствуют примеры (*liquidis* – Lucret. IV, 1259), в которых диграф <QU> несомненно передает одну лабиовелярную фонему /kʷ/.

Античные свидетельства показывают, что далеко не всегда была возможность различать лабиовелярные и просто велярные в латинском языке. Показателен пример спора между эрудитами по поводу чтения первого стиха Одиссеи в переводе Ливия Андроника. Авл Гелий, который передает аргументацию сторон (Aul. Gel. 18. 9. 3–11), решающий аргумент черпает из графики слова в рукописи, которую считает древней:

«Тогда среди присутствующих один был преподаватель грамматики, а другой – знаток литературы, т. е. один обучал, а другой был ученым. Они разошлись во мнении. Грамматик настаивал, что следует писать *insequenda* < ... >. Другой же, более образованный, настаивал, что это не ошибка, но что написано правильно и безупречно, и что следует доверять Велию Лонгу, который в комментарии, посвященном древнему чтению, написал, что у Энния следует читать не *inseque*, а *insece*. <...> Я

¹⁴ С. Аллен (Allen 1978: 19–20) к этому добавляет также проблемы, связанные со сменой написания *equos* > *equus*, видя в этом скорее орфографическую условность, чтобы не писать **ecus* при мн. ч. *equi*.

считаю, что и М. Катон писал *insecenda* и Кв. Энний – *insece* без буквы <u>. Далее Авл Гелий ссылается на «очень древнюю» книгу Ливия Андроника, в которой первый стих Одиссеи написан без буквы <u>: *uirum mihi, Camena, insece uersutum*.

Такие же колебания показывает и свидетельство Велия Лонга «*unde et in equo v pro consonante posita erit; et auribus quidem sufficiebat ut equus per unum v scriberetur, ratio tamen duo exigit. nam cum sit genetivo casu equi, dativo equo, atque novissima vocalis declinationis differentiam faciat nullam mutationem recipientibus consonantibus, necessarium est ut equus quoque salvam habeat consonantem quae est in equo et postea aliud v habeat, ut adsumpta i faciat nominativum pluralem. animadvertimus tamen quibusdam partibus orationis v litteram vitiose insertam...*» (GL VII 59 K)¹⁵.

В пользу выделения особого лабиовелярного ряда среди фонем латинского языка говорит и единообразное написание *quod* и *quid* в латинской графике (при том, что наблюдаются варианты *cum – quum – quom, sequuntur – sequuntur – secuntur*)¹⁶,

¹⁵ «Поэтому и в слове *equus v* будет помещена как согласный; и для слуха было бы довольно написания с одним *v*, но разум требует писать два, ибо поскольку в генитиве *equi*, в дативе *equo*, и последующий гласный в склонении не производит никакого изменения в предшествующих согласных, необходимо, чтобы и *equus* сохранял неизменным согласный и имел бы затем другое *v*, чтобы при добавлении *i* образовал бы номинатив множественного числа. Обратим, однако, внимание, что в некоторых формах слов *v* добавлено по ошибке...».

¹⁶ Остается под вопросом, действительно ли в определенных позициях не было разницы в произношении лабиовелярного и простого велярного (*'ego quoque tibi favebo' – coci*), на чем основана сообщаемая Квинтилианом (Quint. Inst. Orat. VI 3 47) шутка Цицерона над кандидатом, чей отец был поваром: «Например, как один искатель выгодного чина, о коем говорили, что он сын повара, просил кого-то, в присутствии Цицерона, о подании голоса в свою пользу, сей сказал: *И я тебе приправлю (Ego quoque jure tibi favebo)*». Приведенный перевод А. Никольского (1834 г.) исключает фонетическую путаницу, предлагая взамен грубый намек на повареное дело. Мне представляется возможным, что в разговорном стиле латинская фоностилистика допускала намек на такое произношение, но принимать его (также как *cottidie*) за свидетельство о смешении /k¹⁴/ и /k/ в языковой системе было бы неосторожно.

и греческая передача латинских форм. Средствами греческой графики *quod* и *quid* отображаются как $\kappa\omicron\upsilon\omicron\delta$ и $\kappa\omicron\iota\delta$, ср. $\kappa\omicron\upsilon\iota\delta$ εστ (τι εστιν) в Берлинском папирусе (P. Berol. Inv. Nr.10582). В V–VI вв. н. э. передача лабиовелярного осуществлялась либо диграфом $\kappa\omicron-$, либо триграфом $\kappa\omicron\upsilon-$ (ср. передачу лат. *Aquarius* как $\alpha\kappa\omicron\upsilon\alpha\rho\iota\omicron\upsilon\varsigma$ в списке знаков Зодиака I–II вв. н. э. в P. Оху. 3315), точно так же, как средствами греческого языка еще во времена Аристофана передавалось кваканье лягушки ($\kappa\omicron\acute{\alpha}\xi$).

Еще раз подчеркнем, что сами лабиовелярные не являются чем-то обычным в фонологической системе языка. Их развитие во всех индоевропейских языках приводит либо к утрате лабиального признака (балто-славянские и индоиранские языки), либо к изменению места образования согласного (для греческого языка в зависимости от фонетического окружения рефлексами являются /k/¹⁷, /p/, /t/), либо к появлению группы согласных на месте лабиовелярной фонемы.

Звонкий лабиовелярный /g^h/ труднее представить в качестве отдельной фонемы, поскольку в текстах он встречается, как правило, только после <n> (*lingua* etc.).

Придыхательные согласные принято восстанавливать не только для праиндоевропейского языка, но и для общеиталийского. К началу латинской письменности они уже исчезли из фонологической системы, так что ранние заимствования из греческого языка *purpura* = порφύρα, *tus* = θύος, *calx* = χάλιξ передают придыхательные как простой смычный. В греческом языке глухие придыхательные согласные сохранялись как отдельные фонемы. Об этом свидетельствуют многие источники, включая надписи на индо-греческих монетах, где придыхательные в эллинистическое время тщательно передаются соответствующими знаками письма кхароштки¹⁸. Массовые заимст-

¹⁷ Первый этап элиминации лабиовелярных в греческом языке предшествует крито-микенскому периоду и привел к потере лабиальности в соседстве с /u/ (Lejeune 1973).

¹⁸ Ср. такие имена греко-индийских царей в передаче письменностью кхароштки, как Ἀπολλοφάνης – Apalar^hana, Φιλόξενος – P^hilasina, Τήλεφος – Telip^ha, Θεόφιλος – T^heup^hila; Ἀγαθόκλεια – Agat^hukreya или

вованя из греческого языка в латинский, а также ситуация греко-латинского билингвизма, свойственная времени золотого и серебряного веков римской литературы, привели к тому, что стали тщательно и безошибочно фиксировать придыхательные в заимствованных греческих словах. И даже ввели придыхательные согласные в исконно латинские слова: написания *pulcher*, *lachrima*, *bracchium*, *triumphus*, *Gracchus*, *Carthago*, *anchora* вошли в нормативный язык. Но в надписях представлены также и написания *chorona*, *centhurio*, *praecho*, *archa*, *trichlinium*, *experchitator*, *Olympi*, *Volchanus*, *Marchus*, *Calphurnius*. Часть из них – это старинные римские родовые имена и чисто римские понятия, такие как центурион.

Для латинского языка такой разнотой представлял практическую проблему, которую Цицерон для себя решал так: «*quin ego ipse, cum scirem ita maiores locutos ut nusquam nisi in vocali aspiratione uterentur, loquebar sic ut pulcros, Cetegos, triumphos, Cartaginem dicerem; aliquando, idque sero, convicio aurium cum extorta mihi veritas esset, usum loquendi populo concessi, scientiam mihi reservavi. Orcivios tamen et Matones, Otones, Caepiones, sepulcra, coronas, lacrimas dicimus, quia per aurium iudicium licet. Burrum semper Ennius, nunquam Pyrrhum; 'Vi patefecerunt Bruges', non Phryges: ipsius antiqui declarant libri. nec enim Graecam litteram adhibebant – nunc autem etiam duas – et cum Phrygum et Phrygibus dicendum esset, absurdum erat aut etiam in barbaris casibus Graecam litteram adhibere aut recto casu solum Graece loqui; tamen et Phryges et Pyrrhum aurium causa dicimus. quin etiam, quod iam subrusticum videtur, olim autem politius, eorum verborum, quorum eadem erant postremae duae litterae quae sunt in optumus, postream litteram detrahebant, nisi vocalis insequeretur».*

(Cicero. Orat. 160)¹⁹. Различаются и мнения позднейших

Agat^hukria, а письменностью брахми – Agat^huklaya, Θεοδάμας – T^heudama, Θεόφιλος – T^heuphila, Θράσων – T^hrasa; Ἀντίμαχος – Antimak^ha, Ἀρχέβιος – Ark^hebiya и т. д. (подробнее см.: Казанский, Крючкова 2002: 69–81).

¹⁹ «Я и сам, зная, что наши предки употребляли в своей речи придыхания только при гласных, говорил, например, *pulcer*, *Cetegos*, *triumpus*, *Cartago*; но потом, хоть и запоздало, требования слуха заставили меня отбросить правильность, и я уступил общему

грамматиков по этому вопросу. В определенные периоды грецизирующее произношение воспринималось как признак дурного вкуса, ср. стихотворение Катулла, в котором он высмеивает произношение *chommoda* вместо *commoda*.

Отмечалось, однако, что почти во всех случаях придыхательный согласный соседствует с плавными (l или r), что указывает на собственно латинские языковые особенности. В связи с этим высказывалось предположение, что придыхательные согласные могли реально присутствовать в латинской фонологической системе, но до массовых заимствований из греческого языка, когда был сформулирован принцип передачи с помощью диграфа C + h (где C обозначает любой смычный), придыхательные не могли быть переданы на письме. Между тем, в целом ряде греческих архаических алфавитов придыхательные смычные регулярно отмечались диграфом, но в латинском алфавите такие диграфы появляются только тогда, когда усилилось влияние со стороны греческих текстов, записанных ионийским алфавитом, в котором для передачи придыхательных существовали отдельные знаки φ, θ, χ.

В романских языках придыхательные отражаются либо как простые смычные (th = /t/, ch = /k/), либо как спиранты: ph = /f/.

обыкновенно в разговоре, оставив свое мнение при себе. А такие слова, как *orcivos*, *Matones*, *Otones*, *Caepiones*, *sepulcra*, *coronas*, *lacrimas* у нас остались, ибо суждение слуха это позволяет. Энный всегда писал *Burrus*, никогда *Pyrrhus*; ‘*Vi patefecerunt Bruges*’, а не *Phryges*, как свидетельствуют его старые книги. У них тогда не было греческих букв, а у нас их целых две; и хотя необходимость говорить *Phrygum* и *Phrygibus* ведет к нелепости – приходилось употреблять в варварском падеже греческую букву и только в прямом падеже сохранять негреческую форму, – мы все же говорим *Phryges* и в угоду слуху» (пер. М. Л. Гаспарова). Различаются и мнения позднейших грамматиков по этому вопросу. Так, Марий Викторин пишет: «*uideo uos saepe et orco et Vulcano h litteram relinquere, et credo uos antiquitatem sequi ... item corona ancora sepulcrum, sic et quae h in adspiratione desiderant, ut brachium cohors harena pulcher. sed ea quatenus debeatis obseruare, ignoratis*».

Назальные. Основной вопрос, связанный с назализованными согласными, состоит в том, должны ли мы ограничиться только двумя фонемами /n/ и /m/ (существовавшими уже в праиндоевропейском языке), или же предполагать в латыни три ряда назальных, считая /ŋ/ отдельной фонемой, а не вариантом фонемы /n/.

Знак <N> обозначает дентальный носовой /n/ во всех позициях, кроме позиции перед велярным (заднеязычным) и лабиовелярным. В этих позициях (*uncus, ingens, relinquo, lingua* etc.) выступает фонема /ŋ/. В пользу такой интерпретации говорит, в частности, попытка Акция во II в. до н. э. ввести написания *aggulus, agcora* вместо привычных для нас *angulus, ancora*:

«Как пишет Ион, существует двадцать пятая буква, которую называют *agma*, которая не имеет своего написания, а произношение ее одинаково у греков и у римлян, как в словах *aggulus aggens agguilla iggerunt*. В <них> греки и наш Акции пришут двойное *g*, а другие – *n* и *g*, так что увидеть истинное положение вещей нелегко. Подобным же образом *agceps* и *agcora*» (Varro LL fr. 3).

Веком позже Нигидий Фигул описывал этот звук как средний между [n] и [g]:

«*Item ex eodem libro uerba haec sunt: ‘Inter litteram “n” et “g” est alia uis, ut in nomine “anguis” et “angari” et “ancorae” et “increpat” et “incurrit” et “ingenius”.* In omnibus enim his non uerum “n”, sed adulterinum ponitur. Nam “n” non esse lingua indicio est; nam si ea littera esset, lingua palatum tangeret.» (Aul. Gel. XIX 147).

Фонемный характер противопоставлений /n/ и /ŋ/ обнаруживают написания вроде *annus* /annus/ и *agnus* /aŋnus/. Потеря начального /ŋ/ в слове *nōtus* < *gnōtus /ŋnōtus/ (при *ignōtus* /iŋŋnōtus/, ср. *in-gnōscō* > *ignōscō*) объясняется упрощением при произношении, например, в *con-gnātus* /koŋŋnātus/ > *cognātus* /koŋnātus/, при том что в орфографии может сохраняться морфологическое написание *congnatus*, как это и наблюдается в ряде надписей. Дополнительным аргументом в пользу /ŋ/ может служить фонетический переход *ĕ* > *ĩ* в словах *dignus, lignum, ilignus*, в основе которых лежат *decet, lego, ilex*, где краткое /ĕ/

сохраняется. И дело здесь не просто в соседстве с дентальным /n/: различаются отражения *ǣ* в таких случаях как *con+scando* > *conscendo* и *con+tango* > *contingo*. Типологические параллели к такому сужению говорят в пользу фонемы /ŋ/. Сидней Аллен приводит два примера, в которых, как можно думать, это явление обыгрывается текстах: /iŋnemmanŋum/ ~ /inumanum/ в тексте Плавта (Plaut. *Rudens* 767): La. *Ignem magnum hic faciam*. Da. Quin † *inhumanum exuras tibi?* и у Цицерона (Cic. *Resp.* IV 6): «*Censoris iudicium nihil fere damnato nisi ruborem offert. Itaque, ut omnis ea iudicatio versatur tantum modo in nomine, animadversio illa ignominia dicta est*», где отчетливы звуковые переключки (*versatur tantum modo* ~ *animad-versio*), на фоне которых *in nomine* /innomine/ ~ *ignominia* /iŋnominia/ приобретает вид звуковой игры, возможной только, если для латинского языка времен Цицерона принимается фонема /ŋ/. Важным аргументом служат в таких случаях и данные романских языков, где в унаследованных словах нет следов заднеязычного смычного: лат. *lignum* > ст.-фр. *lein*, сард. *linna*, лат. *magnum* > сард. *mannu*, лат. *cognatum* > сард. *konnadu*. Следует заметить, что уже в латинских надписях встречаются такие написания как *sinni* вместо *signum*.

В начальной позиции за пределами традиционного сокращения *Sp.* для имени Гней уже Варрон указывает латинское написание *Naeum*, а для греческой передачи римского имени обычна транслитерация Γναῖος (Γναίος), но *Ναῖος* также встречается. Здесь вслед за К. Баком можно усматривать влияние графики на произносительную норму классического времени, поскольку имеется свидетельство Варрона, согласно которому /Gnaius/ представляет собой архаизирующее произношение («*qui G littera in hoc praenomine utuntur, antiquitatem sequi videntur*» – ‘те, кто произносят букву G в этом имени, как кажется, следуют древности’).

Сложнее обстоит дело с развитием группы /gm/, поскольку есть случаи сохранения такого написания (*tegmen, segmentum*) и ее развития в /mm/, например, *flamma* < *flag-ma*. Появление /ŋ/ в этих случаях полностью исключить невозможно. Фонему /ŋ/ можно предполагать в написаниях, подобных *in causa* [iŋcausā], поскольку перед велярным согласным вероятно появление заднеязычного [ŋ].

Перед губными происходит регрессивная ассимиляция с переходом $n > m$, что находит отражение в надписях: *im rase, im balneum, im muro*.

Группы $n +$ спирант (s, f) упрощались, вызывая удлинение предшествующего гласного и, возможно, его назализацию. Так, *consol, censor* уже в самых ранних надписях отображаются как *cosol* (отсюда обычное сокращение *cos.*), написания *cesor, cosentiont* и особенности графики римских имен в греческой передаче: Ορτησιος (*Hortensius*), Κλημης (*Clemens*), Κησορινος (*Censorinus*). В этих примерах хорошо прослеживается компенсаторное удлинение гласного в интересующей нас позиции.

Уже Цицерон не произносил /n/ в отдельных словах, как об этом пишет Великий Лонг (GL VII 79 K): «*nam et non numquam plenius per n quam per m enuntiatur, ut cum dico 'etiam nunc', quamvis per m scribam, nescio quo modo tamen exprimere non possum. sequenda est vero non numquam elegantia eruditorum virorum, qui quasdam litteras lenitatis causa omiserunt, sicut Cicero, qui foresia et Megalesia et hortesia sine n littera libenter dicebat et, ut verbis ipsius utamur, 'posmeridianas quoque quadrigas' inquit 'libentius dixerim quam postmeridianas'. sic et dossum per duo s quam per r dorsum quidam ut lenius enuntiaverunt. ac tota r littera sublata est in eo quod est rusum et retrosum*».

Это произношение, отмеченное также Квинтилианом ('*consules' exempta n littera legimus* – Quintil. I. O. 1, 7, 29), сохранялось в народной латыни и вошло в романские языки (ср. ит. *mese, sposa* из лат. *mē(n)sis, spō(n)sa, isula* вместо *insula*, отраженное во фр. *île* 'остров' и т. д.).

Орфографические правила в этом случае играли важную роль: как заметил грамматик Капер: «*Omnia adverbium numeri sine n scribenda sunt, ut milies centies decies: quotiens totiens per n scribenda sunt*» (GL VII 95 K). Из этого замечания следует, что и наречия *quotiens totiens* в разговорном языке также имели вид /kuotiēs/ и /totiēs/.

Таким же образом ведет себя /n/ перед спирантом /f/. В ряде случаев <n> просто опускается на письме, что свидетельствует об его отсутствии в живом произношении (*iferos* вместо *inferos* (CIL IX 5813), *cofeci* вместо *confeci*) либо, как это представлено в

текстах республиканского времени, назальный обозначается как *m* (*eimferis, confluent, im fronte*). Сидней Аллен склонен был для этих примеров постулировать лабиодентальное произношение. Следует оговорить, что под влиянием случаев, когда на письме восстанавливался не произносившийся назальный, появляются гиперкорректные написания *thensaurus* (*θησαυρός*), *occansio*, *Herculens*, на которые специально обращали внимание грамматики.

В начальной и срединной позиции /m/ отчетливо представляет собой билабиальный носовой и сохраняется без изменений, но в конечной позиции, как и /n/ перед спирантами, /m/ редуцировалось, о чем свидетельствуют сообщения грамматиков²⁰ и архаические надписи, в которых конечный *-m* часто не обозначается вовсе. На протяжении II в. до н. э. в официальном языке (и школьном преподавании) написание конечного *-m* было восстановлено. Показателен текст эпитафии Луция Корнелия Сципиона: *hunc oino ploirume cosentiont / duonoro optumo fuisse uiro*.

Этот текст в привычной для нас записи выглядел бы так: *hunc unum plurimi consentiunt ... bonorum optimum fuisse uirum* – с обозначением всех конечных *-m*. Велий Лонг сохранил также свидетельство о попытке Верия Флакка ввести половинное написание буквы <M> для назализованных гласных в конце слова: «*Non nulli circa synaliphas quoque observandam talem scriptionem existimaverunt, sicut Verrius Flaccus, ut, ubicumque prima vox m littera finiretur, sequens a vocali inciperet, m non tota, sed pars illius prior tantum scriberetur, ut appareret exprimi non debere. est etiam ubi vocales subducebantur, si id aut decor*

²⁰ О том, что конечный *-m* не произносился вовсе, свидетельствует Велий Лонг (GL VII 54 K): «*Ingrediēti mihi rationem scribēdi occurrit statim ita quosdam censuisse esse scribendum, ut loquimur et audimus.... sic enim cum dicitur, 'illum ego' et 'omnium optimum', illum et omnium aequē m terminat nec tamen <in> enuntiatione apparet*» – «Когда я начал писать, для меня сразу стало ясно почему некоторые считают, что писать надо так, как мы говорим и как слышим ... Так, когда говорят *illum ego* или *omnium optimum*, в формах *illum* и *omnium* равным образом конечный *m* не проявляется в произношении». Ему вторит Присциан, заметивший неясность звучания /m/ в конце слова («*obscurum in extremitate dictionum sonat*» – GL II 29 K).

compositionis aut metri necessitas exigebat, ut 'adeo in teneris consuescere multum est'».

Сохранились примеры написания *traditu iri* (Dig. XL 5 473) и даже *datuiri* (Inst. IV 17 3) в одно слово, что безусловно свидетельствует об ослаблении конечного *-m* (примеры из юридических текстов см.: Solopov 2001: 296–297).

Загадочным остается сообщение Квинтилиана о передаче у Катона Старшего конечного *-m* как <E>: «*et illa Censori Catonis dicae faciaeque, m littera in e mollita. Quae in ueteribus libris reperta mutare imperiti solent, et dum librariorum insectari uolunt inscientiam, suam confitentur*». Выпад Квинтилиана против тех невежд, кто исправлял старые рукописи Катона, говорит в пользу существования целой школы, которая принимала за чистую монету такие написания как формы аккузатива ед. ч. *dicae* и *faciae*. Обоснованием этого странного перехода Квинтилиан считал возможность уподобления тембра конечного гласного слова гласному в начале следующего слова, поскольку конечный *-m* хотя и пишется, но едва ли произносится, причем настолько, что гласный следующего слова не претерпевает никаких изменений. А сама буква не то чтобы изымалась, но смазывается и нужна не для того, чтобы звучала, а как некоторый знак между двумя гласными, что они не должны слиться воедино. (*Atqui eadem illa littera, quotiens ultima est et uocalem uerbi sequentis ita contingit ut in eam transire possit, etiam si scribitur, tamen parum exprimitur, ut 'multum ille' et 'quantum erat', adeo ut paene cuiusdam nouae litterae sonum reddat. Neque enim eximitur sed obscuratur, et tantum in hoc aliqua inter duas uocales uelut nota est, ne ipsae coeant*).

Такое же ослабление *-m* наблюдается и в случае афрезы, когда в надписях обнаруживается *scriptust = scriptumst = scriptum est*. При элизии гласный (всегда краткий) + *-m* ведет себя так же, как долгий гласный или дифтонг. В этом видят указание на то, что гласный не только становился носовым, но и удлинялся. Перед дентальным согласным переход *m > n* в надписях представлен графикой *tan durum (= tam durum)*, а Великий Лонг говорит о таком же произношении для *etiam* пунс, заставляя и здесь предполагать возможное /ŋ/ на стыке слов (внешнее сандхи).

Плавные /л/ и /r/. Русский термин «плавные» передает лат. *liquida*, которое представляет собой перевод греческого прилагательного ὑρός. Греческая традиция применяла этот термин к более широкому набору звуков /l, r, n, m/. В латинской и в последующей европейской грамматической традиции (вплоть до современной) термин плавные прилагается только к /л/ и /r/.

Латинский *r* восходит к и.-е. **r*, засвидетельствованному в двух вариантах – слоговом и неслоговом (консонантном). В латинском языке /r/ отражает индоевропейское **r*, а также результат ротацизма интервокального *-s-* (*dirimo* < **dis-emo*, *gerō* < **gesō*, cf. *gestus*). Ротацизм обычен в оскском языке, а в латинском языке засвидетельствован начиная с IV в. до н. э.²¹. Кроме того, имеется ряд примеров, в которых приставка *ad-* отражена как *ar-* (арх. лат. *aruorsum* < **ad-uert-tum*, *arbiter*²², *meri-dies* < **medi-dies*, etc.²³). О произнесении звука говорил, например, Луцилий (Lucil. fr. 377), который сопоставлял его с рычанием собаки и считал неблагозвучным.

Теренциан Мавр отчетливо определяет этот звук как дрожащий: «*uibrat tremulis ictibus aridum sonorem*» (Terent. Maur. GL VI 332 К.), и в этом ему следует Марий Викторин (GL VI 34 К.).

В группах согласных могли происходить позиционные изменения. Так, обычна ассимиляция *r* с последующим *l* (*intelligo* из *inter-lego*), причем это стало показателем большей изысканности речи (*elegantioris sermonis*), как сообщает Великий Лонг (GL VII 65 К.), говоря о произношении глагола *pellego*, в котором ощущалась (и отмечалась на письме) приставка *per-*.

Следует, впрочем, сразу заметить, что столичное произношение повсеместно и во все времена меняется быстрее, чем

²¹ Обычно датируется второй половиной IV в. до н. э., когда первый из Папириев L. Papirius Crassus стал в 338 г. до н. э. называть себя так, а не Papisios (Cicero Fam. IX 21 2). Эта дата принимается всеми (Нидерман 1949), однако косвенные данные говорят о возможности более раннего звукового изменения (см.: Казанский 1989: 165–169.)

²² В этой форме виден также переход *u* > *i*, встречающийся в италийских языках.

²³ В италийских языках чаще перед гласным, а также перед лабиальным, см.: Clackson 2013: 18.

провинциальное. За время существования Рима орфоэпическая норма менялась неоднократно, в частности, для I в. до н. э. было обычным произнесение греческих слов с глухим /r/, на письме отражавшимся как <rh, rrh> (Rhegium, Pyrrhus). Такое произношение маркировало чуждые латинскому языку греческие слова (варваризмы), поэтому легко переносилось на неримские топонимы, в которых глухого /r/ исконно не было, например, на название Рейна – Rhenus.

В надписях императорского времени на территории Италии и на Востоке представлены случаи отпадения конечного -r (*frate* = *frater* CIL III 9029; *mate* = *mater* CIL III 7465 и т. д.). Такая же особенность отличает фалисский язык, ср. *mate* (nom.sg.).

Прямого параллелизма между развитием /l/ и /r/ в латинском языке нет настолько, что для латинского языка восстанавливается одно /r/ и два позиционных варианта фонемы /l/.

В позднем языке они развиваются в две самостоятельные фонемы, но для классической латыни есть смысл говорить о двух вариантах одной фонемы, хотя грамматики различают *pinguis* или *plenus sonus*, противопоставляя его *exilis* или *tenuis sonus* (в последнем случае предполагается смягченное или палатализованное /l/).

pinguis sonus встречается в конце слова и перед следующим за ним согласным (*sol*, *silva*, *albus*), а также в группах *cl*, *fl* (*clarus*, *flauus*).

tenuis sonus встречается в начале слова (*lectus*, *lana*, *lupus*) и при удвоении (*ille*, *Catullus*). В романских языках эти два /l/ отражаются по-разному: *tenuis sonus* отразился как /l/ во французском языке (ср. *loup*), в то время как *pinguis sonus* отражается иначе: фр. *autre* < *aulture* < лат. *alterum*.

Уже в самом латинском языке эти два разных способа произношения влияли на фонетическое окружение: так, гласный в форме *uelim* сохраняется без изменений (*tenuis sonus*), но в *uelitis* (*pinguis sonus*) представлен переход *uoltis* > *uultis*.

Спиранты. В латинском языке они представлены унаследованным от праиндоевропейского /s/ и появившимися уже на италийской почве в силу фонетических изменений /f/ и /h/.

Фонема /s/ представляет собой зубной спирант. В классической латыни этот звук всегда глухой, но в архаическое время произошел ротацизм интервокального *-s- > *-z- > -r-. Для времени, прошедшего с IV в. до 45 г. до н. э., когда двойные *ss* перестали использовать на письме, произошла замена нормативного написания *caussa* на *causa*, а форма *cāsus* заменила более раннее *cassus*. При этом не только греческая передача имени Цезаря Καῖσαρ, ставшего императорским титулом, но и готское заимствование *kaisar* показывают, что до IV в. н. э. такое произношение с глухим спирантом устойчиво сохранялось. Интересно, что в классическое время засвидетельствована вариативность *-ss-* / *-s-* (*fīssus* и *fīsus*), причем перед удвоенным *-ss-* сохранялась краткость гласного, но перед *-s-* происходило его удлинение, так что долгота слога не менялась²⁴.

Согласно Квинтилиану²⁵, эта вариативность появляется в послещицероновское время, причем, как правило, мы не знаем, стоит ли за написанием *-s-* /s/ или же /ss/. Известно, что /s/ был исконным в словах *bāsium*, *caesaries*, *pausa*. В латинских надписях после 45 г. до н. э. резко увеличивается число слов, которые пишутся с одним <s>, что позволяет думать о смене произносительной нормы и о закреплении этого фонетического изменения на письме. Отличие в произношении латинского /s/ отражено в замечании грамматика Ориона: «Ξέστης. Ῥωμαῖκὸν ἐστὶ τὸ ὄνομα. τὸ γὰρ παρ' ἡμῖν ἕξ ἀριθμὸν αὐτοὶ λέγουσι σέξ, καὶ μέτρον τινὸς παρ' αὐτοῖς τὸ ἕκτον λέγεται σέξτον· διὰ δὲ εὐφωνίας τὸ σέξτης λέγεται ξέστης, μεταθέσει τοῦ ξ. οὕτω Φιλόξενος ἐν τῷ περὶ Ῥωμαίων διαλέκτου» – «Ксест – римское имя. То, что у нас ἕξ

²⁴ Следует отметить, что подобное распределение наблюдается и в диалектах современной Италии.

²⁵ *Ciceronis temporibus paulumque infra, fere quotiens s littera media uocalium longarum uel subiecta longis esset, geminabatur, ut 'caussae' 'cassus' 'diuissiones'* (Quint. I. 7 20) – «Во времена Цицерона и немного позднее срединное *-s-* почти всегда удваивалось между долгими гласными или в соседстве с долгими, как *caussae, cassus, diuissiones*'.

(шесть) они произносят σέξ, а при измерении у них ёктот (шестой) произносится как σέξтот, а для благозвучия говорят ξέστης вместо σέξтης с метатезой ξ. Так <пишет> Филоксен в сочинении о языке римлян’.

В ранних латинских текстах конечное /s/ после краткого гласного на письме часто не обозначалось (имя *Cornelius* пишется в III в. до н. э. <CORNELIO> /corneliös/, а прилагательное *militaris* отображается как <MILITARE> /militares/), что свидетельствует об ослабленном произношении конечного /s/. Однако в этих случаях элизия как правило не допускается, но и слог не удлиняется, когда следующее слово начинается с согласного. Сидней Аллен приводит пример из Энния *suāvis hōmō, fēcundūs, sūō contentūs, bēātus* (Ann. 245 Vahlen), где нет ни одного случая позиционного удлинения конечного слога. Такая же особенность представлена и во фрагменте Луцилия (Lucil. Sat. VII, fr. 22 L. Mueller): «*tristes, difficiles sumu’, fastidimu’ bonorum*». Последний по времени пример обнаруживается у Катутла (Catul. 116, 8): «*tu dābī(s) supplicium*», где рукописи дают *dabī’*, *dabī* и даже *dab’*. Можно отметить здесь в употреблении формы *dābī(s)* сходство с Эннием: «*Hoc nec tu: nam mi calido dabis sanguine poenas*» (Enn. Ann. I, 96).

Для Цицерона (Cicero, Or. 161) такое произношение уже казалось несколько деревенским (*subrusticum*), однако он тут же отмечает, что прежде оно считалось вполне допустимым и даже изящным (*quin etiam, quod iam subrusticum videtur, olim autem politius, eorum verborum, quorum eadem erant postremae duae litterae quae sunt in optumus, postream litteram detrahebant, nisi vocalis insequeretur*)²⁶. К этому Цицерон добавляет, что то самое произношение, которого избегают современные ему поэты (неотерики), прежде не было погрешностью стиха (*ita non erat ea offensio in versibus quam nunc fugiunt poetae novi*). Здесь же он

²⁶ ‘Более того, сейчас кажется грубым, а некогда было изящным от слов, оканчивающихся теми же двумя буквами, что и *optimus*, отбрасывать последнюю букву, если за ней не следовала гласная. Это не пугало и в стихах, хотя теперь молодые поэты этого и избегают.’ (пер. М. Л. Гаспарова).

приводит примеры произношения, которое, по его мнению, было для Рима традиционным (*sic enim loquebamur: «Qui est omnibu' princeps», non omnibus princeps et: «Vita illa dignu' locoque», non dignus. quodsi indocta consuetudo tam est artifex suavitatis, quid ab ipsa tandem arte et doctrina postulari putamus?*²⁷).

Такие примеры и суждения позволяют со всей определенностью говорить о смене римской языковой нормы и о смене предпочтений в области фоностилистики. Как мы видим, полное восстановление конечного /s/ было восстановлено, причем для понимания сути этого явления существенно, что в последнем слоге слова трактовка -Ūs решительно отличается от трактовки -Ūm. При -Ūm в стихе элизия обычна, также как и удлинение конечного слога перед согласным следующего слова, в то время как конечный слог -Ūs в архаической латыни не подвержен ни элизии, ни удлинению.

Со II в. н. э. в надписях снова достаточно регулярно встречаются формы без конечного -s (*filiu* CIL III 835, *germanu* CIL III 7484), которые становятся едва ли не нормой²⁸ повсеместно, за исключением Галлии и Иберийского полуострова, где сохранение конечного -s связывают с более устойчивым школьным образованием.

Звонкий аналог фонемы /s/ в праиндоевропейском языке появлялся только как позиционно обусловленный аллофон, а в латинском языке в архаический период, предшествовавший проявлению ротацизма, в интервокальной позиции возникало [z], затем перешедшее в /r/. В последующем многочисленные греческие заимствования, содержавшие ζ (в эллинистическое время обозначавшее уже фонему /z/), передавались через <S>: *sona* 'пояс' (ζώνη), *massa* < μάζα, но *gaza* 'казна, сокровища' (γάζα). В

²⁷ 'Мы говорили «*Qui est omnibu' princeps*», а не *omnibus princeps* и «*Vita illa dignu' locoque*», а не *dignus*. А если безыскусственный обычай так мастерски достигает приятности, чего же нам требовать от науки и искусства красноречия?' (пер. М. Л. Гаспарова).

²⁸ Более ранний пример *Aniu* = *Anius* CIL XIII 10010 в надписи 69 г. н. э. Возможно, что это позднее изменение связано не с чисто фонетическими, а с морфосинтаксическими процессами, поскольку совпадает уже со случаями путаницы форм номинатива и аккузатива. Для африканского материала см.: Herman 2006: 333–342.

интервокальной позиции перед <Z> слог всегда долгий. Заимствованный позже других в латинский алфавит знак <Z> передает в ряде случаев особенности греческого произношения, например, произношение фонемы /s/ в позиции перед /m/: *Zmirna* (Σμίρνη). Эта же особенность присутствует и в суффиксе -ισμός, который в латинском и во всех языках Европы произносится с глухим [s], в отличие от русского языка, где сохраняется греческое произношение [-izmós] даже в новообразованиях и заимствованиях – *ленинизм*, *маккартизм* и др.²⁹.

Спирант /f/ Квинтилиан определяет (Quintil. XII, 10, 29) как (губно-)зубной («*inter discrimina dentium efflanda est*»), причем с еще большей отчетливостью это утверждает Марий Викторин (GL VI 34 K.): «*F litteram imum labrum superis imprimentis dentibus ... leni spiramine proferemus*». Билабиальность произношения можно усматривать в написаниях *im fronte*, *confluent*, однако они соседствуют с *confluunt*, поэтому говорить о губно-губном спиранте не приходится, хотя знак <F> восходит к греческой дигамме, передававшей неслоговое /ϕ/, ставшее глухим во многих греческих диалектах (ср. форму Fηε в памфилийской надписи при передаче ѣ < *ϣε, представленного в гомеровском диалекте). Для классического латинского языка эти соображения уже нерелевантны – со времени конца республики можно уверенно говорить о лабио-дентальном произношении именно спиранта.

Правильное римское произношение требовало уместного употребления фонемы, которая на письме отражалась как <h>. Этот знак присутствует во многих местных алфавитах древней Греции (по преимуществу в начале слова), обозначая густое придыхание, отражающее рефлексы трех древних фонем: оно появляется на месте *s- > h > Ø (греч. ἔλομαι, лат. *sequor*), на месте и.-е. *j- > h- > Ø (основа относительного местоимения *jō-s, отраженная в греческом языке как ὄς), а также древнее *ϕ- > h- > Ø (греч. ἑσπερος ‘вечерний’, ср. лат. *Vesper*). Все эти фонетические переходы требуют в качестве промежуточного этапа

²⁹ В русском языке XIX в. наблюдается некоторая путаница, например, А. К. Толстой пишет *цинизм*, но одновременно *комисм* (Толстой 1969: 504).

появления среднеязычного спиранта /h/, который обозначался знаком <H> во многих греческих диалектах, за исключением ионийских и эолийских, где придыхание исчезло (т. н. псилоза). Зато в тех диалектах, где густое придыхание сохранялось, тем же знаком <H>, могли пометать и придыхательность согласных, обозначая их диграфом <KH>, <PH>, как это делали на островах Фера, Мелос и др.³⁰

Таким образом, знак греческого алфавита был приспособлен к латинскому языку в первую очередь для передачи рефлекса и.-е. *gh, что могло бы наводить на мысль о заднеязычном спиранте (фрикативном /ɣ/), однако неизменная в римской традиции передача имени Ἡρακλῆς как Hercules, говорит, по крайней мере, о близости греческого и римского произношения начального /h-/.

Ставшее модным грецизирующее произношение привело в Риме к избыточному употреблению /h/, что в эпиграмме на Аррия высмеял Катулл (84 3–4):

‘Chommoda’ dicebat, si quando ‘commoda’ vellet
dicere, et ‘insidias’ Arrius ‘hinsidias’,
et tum mirifice sperabat se esse locutum,
cum quantum poterat dixerat ‘hinsidias’.

Далее Катулл высказывает предположение, что в глазах Аррия так и должно выглядеть исконно римское произношение (5–6), унаследованное им от матери, деда по отцовской и материнской линии, а также от бабушки:

credo, sic mater, sic semper avunculus eius,
sic maternus avus dixerat atque avia.

Одновременно мы знаем, что грамматик Нигидий Фигул настаивал на правильном употреблении /h/: «*rusticus fit sermo, si adspires properat*», но и позднее, еще во времена бл. Августина пропуск /h/ считался грубой ошибкой: «*si contra disciplinam grammaticam sine adspiratione primae syllabae ‘ominem’ dixerit,*

³⁰ Ср. надпись с о. Фера IG XII 3, 357 $\nu\alpha\iota$ $\tau\omicron\nu$ $\Delta\epsilon\lambda\lambda\eta\theta\iota\nu\iota\omicron\nu$ ϵ $\text{Κ}\rho\mu\iota\omicron\nu$ $\tau\epsilon\delta\epsilon$ $\omicron\lambda\theta\eta$ $\pi\alpha\iota\delta\alpha$, $\text{Β}\alpha\theta\upsilon\kappa\lambda\epsilon\omicron\varsigma$ $\alpha\delta\epsilon\lambda\theta\epsilon\omicron[v]$ (Jeffery 1961: № 61, 1).

displiceat magis hominibus, quam si contra tua praecepta hominem oderit, cum sit 'homo'» (Augustin. Confess. I 18)³¹.

В просторечии, вероятно, такое опущение допускалось уже в конце республиканского времени (в надписях <ORATIA>, <NAVET> вместо *Horatia, auet*). Целый ряд слов получил вошедшее полностью в языковую норму незакономерное *h-*: *humerus* ‘верхняя часть руки, плечо’, ср. скр. *ámsa-*, греч. ὄμος. Придыхание было полностью потеряно в лат. *anser* ‘гусь’, греч. χίψ, χίψός, лит. *žqsis*, слав. *гжсь*, скр. *hamśá*, все от корня *ǵ^hh₂en- ‘гусь’).

Варрон (по словам Харизия GL I 82 К.) вопреки принятому всеми произношению рекомендовал говорить не *hortus*, где *h-* совершенно закономерно исторически (< *ǵh-, ср. греч. χόρτος), но /ortus/ без начального /h-/. Такое произношение засвидетельствовано и в текстах, поскольку при передаче латинских слов знаками греческого алфавита диакритические знаки могли не ставиться: в уже цитированном P. Verol. 21246 (I в. до н. э.) приведен перевод [α]θεός ανθρωπος – σινε δειβους ομο (fr. 7 118).

В середине слова между близкими по тембру гласными /h/ выпало рано, так что формы *mī* < *mīhī*, *nēmo* (< **ně+hěmo*), *debeō* (*dehibeo*), праебео (*prae-hibeo*), *praeda* (< **prae-hěda*, cf. *prehendo*) вошли в язык классического периода как соответствующие произносительной норме. В I в. н. э. входят в употребление формы *nīl*, *prendo*, *deprendo*, но наряду с *reprensus* продолжало употребляться и *reprehensus*.

³¹ Если человек, знакомый с этими старыми правилами относительно звуков или обучающий им, произнесет вопреки грамматике слово *homo* без придыхания в первом слоге, то люди возмутятся больше, чем в том случае, если, вопреки заповедям Твоим, он, человек, будет ненавидеть человека. (пер. М. Е. Сергеевко).

Полугласные³² *i* и *u* (в современной англоязычной терминологии *глайды*) в латинском языке в последнее время принято обозначать так, как они передавались в римской графике, то есть как *i* и *u*. С точки зрения фонологической системы латинского языка слоговые и неслоговые *i* и *u* представляют собой не аллофоны, а самостоятельные фонемы³³. Еще в императорское время была попытка обозначать *i* с помощью отдельной буквы *I* – ‘*I longa*’, а император Клавдий сделал попытку ввести знак \perp для передачи *u*.

Уже в Средние века для начальных *i* и *u* были введены знаки <*j*> и <*v*>, но регулярно эти знаки стали употребляться только с XV в., когда Л. Альберти (Leonbattista Alberti) в 1465 г. предложил разграничить гласные и согласные, а Антонио де Небриха (A. de Nebrija) применил эту систему в «Кастильской грамматике» (*Gramática Castellana*, 1492). Важную роль в распространении этой системы сыграл П. Рамус (Pierre de la Ramée): благодаря его книге «*Scholae grammaticae*» (1559) эти знаки даже получили название «*lettres Ramistes*». От деятелей французского Возрождения (Пьер Ронсар и Иохим дю Белле) они вошли в практику голландских типографов и распространились по всей Европе. В России этот способ появился под влиянием немецкой классической филологии в XVIII в. и продолжает использоваться до сих пор³⁴, хотя последнее время предпочтение отдается единообразному написанию <*i*> и <*u*> и для гласных (слоговых), и для согласных (неслоговых). Между тем фонологическая запись при изучении литературных памятников является отнюдь не лишней, так как демонстрирует более рельефно особенности звуковой формы текста.

³² В античной традиции *semiuocales* это спиранты *s*, *z*, *f*, а также плавные *l*, *r* и носовые *m*, *n*.

³³ Различие между гласными и согласными в этом случае установить отнюдь не просто, ср. Godel 1984: 193–200, который предлагает во всех случаях обращать внимание также на морфологическую структуру слова, границы между морфемами и т. д.

³⁴ См., например: Дворецкий 1976.

Для праиндоевропейского языка восстанавливаются фонемы *i* и *u*³⁵, которые в определенной позиции могли выступать в слоговой функции. В латинском языке такой позиционной зависимости нет, и далеко не всегда можно понять, следует ли интерпретировать знак <u> как передающий гласный или согласный. Так, греческая передача Ιουλιον = Iulium не говорит в пользу трехсложного произнесения имени (в поэзии встречается как четырехсложное произнесение имени *Iūlius*, так и трехсложное для формы *abiete /abietel/*). Ярким примером может служить односложное *iam* и трехсложное *etiam*, в которых видна определенная близость между слоговым *i* и неслоговым *i*, так что требуются специальные усилия, чтобы понять, какой из вариантов фонетической интерпретации следует выбрать при чтении текста.

На ранних этапах развития латинского языка древнее **-i-* выпадало, вызывая контракцию гласных (и.-е. **trei-es* дает с контракцией греч. *treĩς*, лат. *trēs*, при скр. *trayas*, где **i* сохраняется). Обычно там, где в латинском тексте присутствует интервокальное <-i->, оно должно интерпретироваться как удвоенное /-i-i-/ , например *aiō /ai-iō/*, *maior /mai-ior/*, *peior /pei-iōr/*. Исключение, возможно, составляют имена собственные – как латинские (/Gāius/), так и заимствованные греческие: Dēānira, Achāia и др.

Об этой орфографической условности прямо говорит Квинтилиан (Quint. Inst. Or. I 4 11): «*Quaeret hoc etiam, quo modo duabus demum uocalibus in se ipsas coeundi natura sit, cum consonantium nulla nisi alteram frangat: atqui littera i sibi insidit ('conicit' enim est ab illo 'iacit') et u, quo modo nunc scribitur 'uulgus' et 'seruus'. Sciat etiam Ciceroni placuisse 'aiio' 'Maiiam' que geminata i scribere: quod si est, etiam iungetur ut*

³⁵ Показателен древний корень **ie/ok^u-* ‘печень’, оформленный как гетероклитическая основа **iek^u-r/n* (греч. ἥπαρ, ἥπατος), **iek^u-r/n* (лат. *iecur/iocur*, *iecinis/iecinoris*, скр. *yakṛ-t*, *yakna-* и т. д.), корень **ieug-* ‘запряжка’ (хетт. *iuk-*, скр. *yūj-*, греч. ἄζυξ, лат. *con-iux* ‘супруг(а)’ и т. д.); для согласного **u-* **uiH-ró-* (лат. *uir*, *uiri* ‘муж’, скр. *vīrā-*, лит. *vūras* и т. д.). Уже приведенные примеры показывают позиционные варианты для *i* и *u*.

consonans». Это подтверждают и позднейшие грамматики, например, Присциан (GL II 14 К.), но и в надписях встречаются написания *Pompelius, cuilus, eiius, mailorem*. Также отмечается (ср. мнение Теренциана Мавра – GL VI 343 К.), что в слове *maior* (< *māg-iōs) гласный в корне краткий, но при этом слог является позиционно долгим³⁶. Отличить на письме дифтонг /ai/, за которым следует глайд, от гласного /ā/ с биконсонантным *i̇i* фактически невозможно, тем более, что представлены написания *Gnaeus, praealtus* и др., в которых появление глайда вполне правдоподобно: /prai-altus/ > [prai-i̇-altus]. В греческих заимствованиях различаются *Aiax* (ср. написание *Aiax* у Цицерона) < Αἴαξ и *Troia* /Troia/ < Τροία, с одной стороны, и более поздние (ученые) написания *Aeolus, Oeagrius*.

Сложный случай демонстрирует стих Вергилия: *sic ait, atque oculos Rutulorum reicit aruis* (Verg. Aen. X 473), где трехсложное *reicit* предполагает первый долгий слог при приставке *re-*, а узнаваемость глагола *iaceo* с наименьшей настойчивостью требует обозначения суженного корневого гласного и начального *i̇-*. Тем самым должно было бы получиться написание <reiicit>. Как свидетельствует Присциан (GL II 14 К.), Цезарь через три <i> писал форму родит. пад. *Pompei* – <Pompeiii>. Точно таким же образом долгий первый слог требует чтения /rei-i̇-ce/ в стихе Вергилия:

reice, ne maculis infuscet uellera pullis (Verg. Georg. III 390)

Брось: чтобы темными он не испортил пятнами шерсти

(Пер. С. В. Шервинского).

Одновременно с этим у того же Вергилия встречается двусложная форма *reice* /rei-kē/:

³⁶ В этом случае, а также в *aio, peior* и, возможно, *meio* данные современного этимологического анализа и античных грамматиков совпадают. Р. Годель (Godel 1984: 191–200) добавлял к этому списку *baiulus, eiulo, ieimus, reicio, Graius, Veii, Gaiua* с дактилической метрикой у Луциллия (Lucil. 422) и Катуллы (Catull. 10.31); у Проперция с такой же метрикой *Veius* /uei-i̇-us/ (Propert. IV 10 31) при двусложных *Veii, Veios* а также *eius, ei; cuius, cui, fio* /fi-i̇-ō/, *dus* /di-i̇-ūs/, *pūs* /pi-i̇-ūs/ с написанием <PIIVS> и с соответствующими рефлексам в романских языках.

*D. Tityre, pascentis a flumine reice capellas:
ipse, ubi tempus erit, omnīs in fonte lauabo.* (Verg. Ecl. III 96)

Титир, пасущихся коз пока отгони от потока, —
Сам, как время найду, в источнике их перемою.

(Пер. С. В. Шервинского).

Такая стяженная форма восстанавливается и для глагола *aīō*. Этот древний корень представлен у Гомера в атематической форме $\tilde{\eta}$ < *e-H₂g-t, а в латинском языке обычен образованный от него йотированный презенс *H₂eg-i- > *aio* /ai̯-iō̯/, *ait* < /ajit/. У Плавта (Plaut. Asin. 208) засвидетельствовано двусложное *aibas* при обычном трехсложном *āibam*.

Исключения составляют слова с приставкой, имеющей исход на долгий гласный (*dīiudico*, *trāiectus*, *ēiaculo*, *prōiectus*, *dēiero*), а также сложные прилагательные *bīiugus*, *qudrīiugus*. Во всех этих случаях на произнесение слова мог оказать влияние морфемный шов.

Кроме того, образованные от *iaceo* приставочные глаголы (*in-*, *ad-*, *ab-*, *sub-*, *ob-*, *dis-*) всегда имеют позиционно долгий (т. е. закрытый) первый слог, свидетельствующий, что такие написания как <conicio> скрывают /con-i̯ciō̯/. О таком положении дел прямо говорит Квинтилиан (*'conicit' enim est ab illo 'iacit' – Quint. Inst. Or. I 4 11*). Авл Гелий (Aul. Gel. NA 4 17 1) приводит пример из Луцилия³⁷ отмечая, что многие продлевают при чтении /ō̯/ > /ō̄/, чтобы соблюсти стихотворный размер (*'Obiciebat' 'o' littera producta multos legere audio, idque eo facere dicunt, ut ratio numeri salua sit*). Далее он приводит примеры на другие приставки и решительно возражает против продления гласного (*neque 'ob' neque 'sub' praepositio producendi habet naturam*) и завершает рассуждение так: *«In his autem, quae supra posui, et metrum esse integrum potest et praepositiones istae possunt non barbaramente protendi; secunda enim littera in his uerbis per duo <'i'>, non per unum scribenda est. Nam uerbum ipsum, cui*

³⁷ Lucilii ex XI. uersus sunt:

*Scipiadae magno improbus obiciebat Asellus
lustrum illo censore malum infelixque fuisse.*

supradictae particulae praepositae sunt, non est 'icio', sed 'iacio', et praeteritum non 'icit' facit, sed 'iecit'».

Для классической латыни нормой остается произношение, засвидетельствованное греческой передачей I–II вв. н. э. (Р. Оху. 3315): *dē uentīs* = δη ουεντεις (стк. 7), *uentus* = ουεντους (стк. 8), *Fauōnius* = φαουωνιους (стк. 11), *Uolturnus* = ουολтурνους (стк. 12). Такую же передачу мы находим в I в. до н. э. семлер ουουουε (Р. Berol. 21246, 126) при переводе греческого δ[ι]ὰ παντὸς εὔχεται. Все приведенные примеры говорят в пользу того, что унаследованный от праиндоевропейского языка билабиальный /ц/ сохранял в латинском языке во всех позициях свой прежний фонемный статус.

Неслоговое ц, как можно думать, сохранялось в латинском языке на протяжении всех периодов, и только в надписях Италии и Африки I в. н. э. спорадически наблюдаются графические колебания, связанные с переходом *ц* > *v* и *b* > *v*: *uene* = *bene*; *botum* = *uotum* и т. д. Последнее может свидетельствовать о развитии /ц/ в спирант /v/, но этот процесс, результаты которого мы наблюдаем в романских языках, завершается только к V в. н. э.

Обозначить /ц/ на письме римляне вслед за греками могли с помощью дигаммы, но в латинском языке знак <F> уже использовался для глухого спиранта (см. выше). Поэтому как для гласного, так и для полугласного /ц/ использовался знак Y – (в позднейшем грамматическом обозначении τὸ ὕ ψιλόν), в архаических греческих диалектах передававший /u/, а иногда по совместительству попадавший на место дигаммы и в греческих алфавитных последовательностях ΑΒΓΔΕΥΖΗΘΙΚΛ... С этой точки зрения ранний римский алфавит в своем использовании знака <Y> для передачи согласного /ц/ не был оригинальным. Существует несколько свидетельств – прямых и косвенных – о мене /ц/ на /u/. Например, все древние композиты с первым элементом *aui* /aʷis/ ‘птица’ при выпадении гласного в конце основы дают дифтонг *au-* (*au-spicī* < *aʷi-spic- и т.п.).

Благодаря Цицерону сохранился анекдот про продавца малоазийских смокв (из окрестностей г. Кавна – Καῦνος – в Карию), который, расхваливая свой товар, кричал: «*Cauneas!*» – «Кавнские!». Отправлявшийся воевать с парфянами М. Красс, по

мнению Цицерона³⁸, мог бы услышать в выкрике этого зазывалы предостережение «*Caue ne eas!*» /*cau*’ не ‘*as*’ – «Остерегись идти!» и тогда бы не погиб. Этот анекдот, как кажется, не имеет специальной привязки к говорам южной Италии, а должен пониматься как относящийся к римскому просторечию, допускавшему проглатывание слогов. В любом случае этот пример лишний раз подчеркивает связь неслогового /*ɥ*/ и второго элемента в составе дифтонга.

В отличие от /*i*/ при письменной фиксации текста не было необходимости отмечать удвоенное /*ɥ*/, разве что в передаче греческих дифтонгов, после которых перед следующим гласным мог возникать глайд: *Euander*, *Agauē*, *euoe*. Все эти слова с точки зрения латинского языка представляют собой варваризмы, допускающие греческое признание дифтонга; в противном случае мы должны видеть в этих формах удвоение (/*Euɥander*/ etc.). Метрика свидетельствует, что в трехсложных *arduus*, *uiduus*, *uaciuus* знак <U> обозначал гласный /*u*/, а в двусложных *flauus*, *saeuus*, *caluus* – согласный /*ɥ*/). Стоит отметить противопоставление в антонимических парах *mortuus* ‘мертвый’ ~ *uiuus* ‘живой’³⁹ и *pascua* ‘пастбище’ ~ *arua* ‘пашня’.

Остается открытым вопрос о написаниях *cui*, *huic*, *hui*, в которых <*u*> возможно передает гласный /*u*/, а произношение в один слог допускает мысль о дифтонге, существовавшем еще в классическое время. В серебряной латыни появляется двусложное произнесение *cūi*. В этом случае есть смысл связать фонологическую интерпретацию словоформы с проблемами римской орфографии, поскольку соседство знаков <VI>, которые могут быть прочитаны шестью или даже семью разными способами, доставляет особые трудности, как это удачно

³⁸ *Cum M. Crassus exercitum Brundisii inponeret, quidam in portu caricas Cauno advectas vendens Cauneas clamitabat. Dicamus, si placet, monitum ab eo Crassum, caveret ne iret; non fuisse periturum, si omni paruisset.* (Cic. Div. II 84).

³⁹ Неясно, насколько это противопоставление является древним, имея в виду dat. sg. *murtuwoi* в венецком языке, а также лит. *martvė* и *martuvė* ‘мор’ (см.: Откупщиков 2000: 107–112).

показала Фредерика Бивиль. Есть смысл пересмотреть ее примеры (Biville 1994: 3–18).

<VI> = /ūi/ самая частотная последовательность, представленная в презентных формах глаголов на *-uō* (*rūit*, *rūimus* etc.), перфектных формах на *-uī* (*uolūisti*, *volūit* etc.), а также в образованных от прилагательных абстрактных именах существительных на *-ītas* (*strenuus* ‘деятельный, бодрый, решительный’ – *strenūitas* ‘рвение, усердие, бодрость’ – Ouid. *Metam.* 9 320); то же в причастиях: от *fruor* образованы причастия *frūitus* (CIL 10, 4728) и *fruiturus* (Cic. *Tusc.* 3 38), так же, как от глагола *fluo* – *flūitare* (Petron. 123, v. 213).

<VI> = /ūi/ засвидетельствовано, например, в форме *fūit*, но в исходе слова в архаической латыни /ūi/ дает долгое /ū/. Особенно показательна флексия дательного падежа основ на *-ū* с переходом *-ūi* > *-ū*. В середине слова у Лукреция наряду с *flūitāns* (Lucr. I 718) встречается также *flūtat* (Lucr. III 189).

<VI> = /ūi/ представлено в местоименной форме дат. пад. *tūi*, в причастии *gratūita* (Plaut.) и прилагательных на *-ītus*, ср. *fortūitus* (Iuu. 13 225). Впрочем, во всех приведенных примерах последовательность <tu> можно интерпретировать и как /tūi/.

<VI> = /uij/ бесспорно встречается в *cūius* /cui-ius/. Вопрос о фонемном составе латинского языка требует рассмотрения свидетельств античных грамматиков. Возможность постулировать дифтонг /ui/ подтверждается сообщением Присциана, согласно которому формы *huic*, *cui* должны восприниматься как односложные, как того требуют языковые правила и по большей части подтверждает метрика: «*huic, cui ... monosyllaba sint accipienda in dativo, quod regula exigit et plerique poetarum metris comprobant*» (Prisc. GL 3, 10, 2 sq. K). Последнее находит опору в данных исторической фонетики и в свидетельстве Квинтилиана, сравнившего современное ему произношение с тем, что он слышал в детстве: «*nunc cui, pueris nobis quoi, pinguem sonum*» (Quint. 1, 7, 27). В позднейшее время архаизирующее произношение воспринималось как неправильное (*itaque audimus quosdam plena oi syllaba dicere quoi et hoic pro cui et huic, quod multo vitiosius est, quam si tenuitatem y litterae custodirent*. – Vel. Long. GL 7, 76, 3–5). В этих трех формах (*cui*, *hui* и *huic*) – и только в них – речь может идти о дифтонге /ui/.

<VI> = /ɥī/ обычно после долгого гласного (*amāuī, crēuī, petūī, nōuī*).

<VI> = /ɥi/ в виде исключения после согласного, например, при обычном *tēnūis* (Lucr. IV 63) встречается и дактилическая форма *tenuia*, которую необходимо интерпретировать как содержащую первый закрытый слог, т. е. /tēn-ɥiǎ/. В позднейшее время изменилось произношение этой группы (особенно в начале слова), так что император Клавдий предлагал ввести в латинский алфавит специальный знак, чтобы избежать путаницы в произношении. Грамматики отдельно обсуждали произношение слова *uir* («*unde fit ut saepe aliud scribamus, aliud enuntiemus, sicut supra locutus sum de viro [vero] et virtute, ubi i scribitur et paene u enuntiat. unde Ti. Claudius novam quandam litteram excogitavit similem ei notae quam pro adspiratione Graeci ponunt, per quam scriberentur eae voces quae neque secundum exilitatem <i> litterae neque secundum pinguitudinem <u> litterae sonarent, ut in viro et virtute...»* – Vel. Long. GL 7 75 15 сл.).

<VI> может также передавать последовательность [ɥi], например, написание *flūid-*, встречается наряду с *flūūidus* ‘текучий’.

Как можно видеть, интерпретация графической последовательности представляет достаточно трудную проблему, важную с точки зрения лексикологии, поскольку близость звучания слов может играть определенную роль в паронимии, представляющей собой один из типов связи в лексической системе языка, важный для понимания особенностей ментального лексикона.

III. Система вокализма. Основная характеристика гласного заключается в его способности образовывать слог, в котором именно гласный составляет вершину. Вершину слога способны образовывать краткие и долгие гласные, а также дифтонги.

Гласные. Латинские гласные делятся по двум критериям – по *подъему* (нижнего /a/, среднего /e/ и /o/ и верхнего подъема /i/ и /u/) и по *месту образования* (переднеязычные, среднеязычные и заднеязычные). Используется для наглядности треугольник гласных, который в XIX веке выглядел иначе, чем сегодня: фонема /a/ составляла вершину треугольника, по сторонам которого ниже располагались все другие гласные.

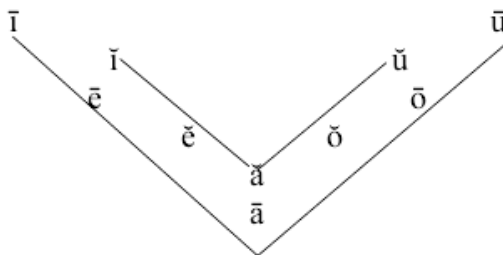
Выделяют также *огубленный* гласный /ū/ (знак <Y> был заимствован в латинский алфавит достаточно поздно).

Гласные в целом ряде современных индоевропейских языков (англ. *bit* и *beat*) и в древних различаются по *долготе* (краткие и долгие). Латинский язык сохраняет это противопоставление: *ānus* ‘круг, кольцо’ ~ *ānus* ‘старуха’ и т. д., а также противопоставление по степени подъема (закрытые верхнего подъема /ī/, /ū/, /i/, /u/), гласные среднего подъема (/ē/, /ō/, /ě/, /ǒ/), открытые гласные нижнего подъема (/ǎ/, /ā/).

Систему гласных, основанную на градуальной оппозиции, можно представить в виде схемы, на которой совмещены долгие и краткие гласные. Важно отметить, что краткие /ě/ и /ǒ/ в латинском языке являются более открытыми, чем соответствующие им долгие /ē/ и /ō/. Это особенность латинского вокализма, а для древнегреческого языка наблюдается обратная ситуация – краткие гласные обладают более закрытым тембром.

Таблица 2

Гласные фонемы латинского языка



В какой-то момент после монофтонгизации дифтонгов /ai/ <AE> и /au/ <AV> уже в поздней латыни появились открытые /ē/ и /ō/, а краткие /i/ и /u/ оказались близки к закрытым /ĕ/ и /ŏ/⁴⁰, как показывают рефлексы во всех романских языках, за исключением сардинского (а также диалектов Корсики и юга Италии⁴¹). После утраты противопоставления по долготе в протороманском возникла система гласных, которую филологу-классику необходимо учитывать, поскольку в ряде случаев только данные романских языков⁴² позволяют определить долготу латинского гласного:

лат.	<i>uīuere</i>	романское	i	ит.	<i>vivere</i>
лат.	<i>pīra</i>	романское	ĕ	ит.	<i>pera</i> ,
лат.	<i>uērum</i>	романское	ĕ	ит.	<i>vero</i>
лат.	<i>mĕl</i>	романское	ĕ	ит.	<i>miele</i>
лат.	<i>caelum</i>	романское	ĕ	ит.	<i>cielo</i>
лат.	<i>māre</i>	романское	a	ит.	<i>mare</i>
лат.	<i>cārum</i>	романское	a	ит.	<i>caro</i>

Близость тембра гласных /ī/ и /ē/ в латинском языке отмечали уже античные грамматики. Об этом же свидетельствует передача латинского /ī/ греческой графемой <ε>, поскольку в греческом языке /ē/, передававшееся как <ε>, всегда по тембру было закрытым. Отсюда такие написания как Λετεδος, κομητιον, Δομητιος, Τεβεριος и т. д.

О произношении звука среднего между /ī/ и /ē/ писал Квинтилиан: «*in here neque e plane neque i auditur*» – несомненно точное наблюдение, находящее подтверждение и в передаче латинских текстов греческим алфавитом, где латинские /ī/ часто представлены как <ε>, и в данных романских языков. Закрытое произношение гласного /e/ очевидно на основании приведенных

⁴⁰ Уже в поздней латыни, как свидетельствуют античные грамматики, например Теренциан Мавр в пересказе грамматика Помпея (GL V 102): «*quotienscumque e longam volumus proferrī, uicina sit ad i litteram*».

⁴¹ В румынском языке сохраняется различие между рефlekсами лат. /ō/ и /ū/.

⁴² Наиболее полный материал, см.: Wartburg 1925.

примеров, однако эти данные, возможно, характеризуют скорее фоностилистику, нежели фонемный состав классической латыни.

Проб, рекомендуя полагаться только на собственный слух (*aurem tuam interroga, quo quid loco conueniat dicere; quod illa suaserit, id profecto erit rectissimum*)⁴³, приводил в качестве примера непоследовательность в написании у Вергилия, который в разных местах употреблял формы асс. pl. *urbis* и *urbes*, «пользуясь суждением и решением своего слуха» (*qui diuersis in locis urbis et urbes dixit arbitrio consilioque usus auris*). Трогательно доказательство, которое приводит Проб: «ибо в первой из Георгик ... (я читал книгу, исправленную его собственной рукой), он написал *urbis* через букву *i*» (*Nam in primo georgicon quem ego . . . librum manu ipsius correctum legi, 'urbis' per i litteram scripsit*). Вот как выглядят слова из этих стихов (*uerba e uersibus eius haec sunt*):

*urbisne inuisere, Caesar,
Terrarumque uelis curam.*

Поверни и замени так, чтобы сказать ‘*urbes*’ – не знаю, что можно сделать безрассуднее и грубее. Напротив, в третьей книге Энеиды он произнес *urbes* через *e*:

Centum urbes habitant magnas.

И здесь также поменяй так, чтобы сказать *urbis*, и произнесенное станет слишком слабым и бледным («*Hic item muta, ut 'urbis' dicas, nimis exilis uox erit et exsanguis*»). Таково различие, заключающееся в созвучии с соседними гласными (*tanta quippe iuncturae differentia est in consonantia uocum proximarum*)⁴⁴.

⁴³ «спроси свой собственный слух, что и где подобает сказать: то, что удовлетворит слух, то и будет безусловно правильно».

⁴⁴ Здесь Проб перебил свое рассуждение сопоставлением со склонением других слов, известных каждому как исключения, которые необходимо заучивать: *Praeterea idem Vergilius 'turrin' dixit non 'turrem' et 'securim' non 'securem'*:

Turrin in praecipiti stantem

et:

Incertam excussit ceruice securim.

Завершает это рассуждение совет: «итак, не мучься, какую из этих форм произнести, *urbis* или *urbes* без ущерба для себя – какую ни произнесешь, ни в чем не проиграешь»⁴⁵. Как можно видеть, в классическое время долгие /ē/ и /ī/ (а также и краткие, ср. колебания *turrim* / *turrem*, *securim* / *securem*) допускали варианты произношения. К частотным изменениям (фреквенталиям) относится и сужение гласного *e* > *i* перед следующим гласным: в латинских надписях обнаруживается *mia* вместо *mea*, *balnia* (*balnea*), etc. Фонетические изменения гласных подробно описаны в книге М. Нидермана (Нидерман 1949), а в последнее время – в превосходной книге Э. Зилера (Sihler 1995) и в учебнике Г. Майзера (Meiser 1998; см. также книгу М. Вайса – Weiss 2009).

Латинские грамматики сохранили для нас описания того, как при произнесении гласных ведут себя части артикуляторного аппарата. Например, Марий Викторин, следуя за Теренцианом Мавром, замечает: «*V litteram quotiens enuntiamus, productis et coeuntibus labris efferemus*» (GL VI 33 K) – ‘Всякий раз признаю букву (т. е. звук – Н. К.) V мы производим это вытянутыми вперед и суженными губами’.

Для гласного /ǫ/ данные из греческих источников получить непросто, поскольку в эллинистическое время греческое /ǫ/ повсеместно перешло в /ü/. Эта греческая фонема появилась в классической латыни благодаря массовым заимствованиям (ее обозначают знаком <Y>, получившим в языках новой Европы название «греческого i»). В более раннее время этот звук римляне передают с помощью <V>, например, в ранних надписях Сивилла (*Sibylla*) передается как *Sibulla*, *Pyrrhus*, как *Burrus* и т. д. Обилие греческих имен собственных, топонимов и

Quae sunt, opinor, iucundioris gracilitatis, quam si suo utrumque loco per e litteram dicas.

Как можно видеть, речь также идет о гласных тембра /i/ и /e/.

⁴⁵ *noli . . . igitur laborare utrum istorum debeas dicere, ‘urbis’ an ‘urbes’.*

Nam cum

id genus sis, quod uideo, ut sine iactura tua pecces, nihil perdes utrum dixeris.

просто заимствованных греческих слов привело к появлению в латинском языке новой фонемы. В позднейшее время грамматикам специально приходилось бороться за орфоэпическую норму, отстаивая произношение, ср. у Проба: «*crista non crysta*». Макробий отстаивает произношение *silua*, *miser* (Macrob. Comment. in somn. Scip. I 12 6), возражая тем, кто под влиянием греческих ὕλη и μισαρός вводил произношение *sylua*, *myser*. Собственно о латинской фонеме /ü/ можно говорить скорее для образованной части общества, а в народной среде в раннее время происходило приравнивание греческого /ü/ к латинскому /u/, а с III в. н. э. – к /i/: *crypta* (из греч. κρύπτη) в надписи республиканского времени передается как *crupta*, причем такое произношение получило дальнейшее фонетическое развитие и в романских языках (ср. ит. *grotta*).

В классическом латинском языке существовала также гласная фонема, которая не имела устойчивого способа обозначения на письме и которую определяют как промежуточную среди закрытых гласных верхнего подъема. Речь идет о случаях, когда обнаруживаются варианты написания *optimus* / *optumus*, *maximus* / *maxumus*, *septimus* / *septumus*, etc. Согласно свидетельству Квинтилиана: «*ut in his 'seruus' et 'uulgus' Aeolicum digammon desideratur, et medius est quidam u et i litterae sonus (non enim sic 'optimum' dicimus ut 'opimum'), et <in> 'here' neque e plane neque i auditur*» (Quintil. Inst. I 4 8). Вот это промежуточное произношение между /u/ и /i/ заставляет думать о наличии отдельной фонемы промежуточного тембра. Произошедшие изменения с точки зрения исторического развития латинского языка могут быть объяснены как проявление изменений тембра гласного *ǎ* > *ě* > *ĩ* (*cano – cecini*) или синкопы гласного (*periculum – periculum*) по преимуществу во втором слоге⁴⁶.

⁴⁶ Поскольку, как правило, в именах существительных синкопа затрагивает только форму номинатива и только приставочные глаголы, у нас есть возможность связать явление синкопы с синтаксической позицией слова в предложении. Согласно и.-е. правилам перед глаголом, начинающем фразу, должны были стоять тонические частицы, ставшие в дальнейшем приставками, в то время как подлежащее (имя существительное в именительном падеже) в начальной позиции не требовало никаких добавлений. Поскольку номинатив начинал предложение чаще

В целом ряде случаев синкопированный гласный был восстановлен, например, под влиянием форм, в которых не должно было происходить изменение (*patiens – impātiens*). Такие примеры как *consul, consulis* при *consilium* показывают разные пути восстановления гласного⁴⁷. В классической латыни преобладает тембр восстановленного гласного /i/, но в ранних текстах используется обозначение <V>: *optumus, maxumus, tegumentum, documentum, lacruma, pontufex*. Предполагается иное качество гласного, который мог подвергаться переходу *u > i*.

Велий Лонг (Vel. Long. De Orthogr. 67) пишет: «Те из греков, кто писал комментарии о древних звуках (буквах), а также те из римлян, кто им следовал в этом, сообщают, что с помощью одного и того же знака древние писали макрὸς макροῦ макρῶ⁴⁸ и что на письме не различались *o*, *ou* и *ω*; и *u* нас сообщают, что древние таким же образом постоянно путали *o* и *u*. Так, писали через *o* слово *consol*, тогда как читали его через *u*, *consul*. Отсюда разные написания во многих словах, таких как *fontes* и *funtēs*, *frondes* и *frundēs*. Звук *i* то твердый (*pinguis*), то звучит более мягко (*exilius*), как хочется, чтобы он звучал в *prodit, vincit, condit*. Но в *prodire, vincere, condire* равным образом более твердый (*pinguescit*). Уже здесь можно впасть в сомнение, должны ли они произноситься с *i* или с *u*, как *optumus maxumus*, в которых полагалось обозначать старинные слова большей полнотой звука, и как говорит Цицерон, деревенскость, так что им почти нравилось писать и произносить такие слова через *u*. Однако ошибались грамматики, которые полагали, что превосходная степень должна звучать с *u*».

В ряде случаев колебание *u / i* не наблюдается, например, в глагольных формах *possumus, uolumus, ossuro*, а также в именах

других падежей, понятно, почему именно в номинативе представлена синкопа, а не в других падежах (см.: Казанский 2004: 99–111).

⁴⁷ М. Лежен считал возможным видеть в этих примерах влияние тембра гласного переднего ряда в последующем слоге, сопоставимое с появлением умлаута в немецком языке (см. прим. 51).

⁴⁸ В греческих диалектных надписях, действительно, мог употребляться омикрон <O> для обозначения /ō/, закрытого /ō̄/, позднее обозначавшегося диграфом <OY> и /ō̄/ открытого, обозначавшегося в ионийском алфавите омегой.

существительных, имевших важное культурное значение (таких как *documentum*). Неясна природа вариативности форм *libet/libet* и *clipeus/clupeus*, частотность употребления которых могла гарантировать сохранение вариантов нотации. При обозначении этого звука, не имевшего устойчивого способа обозначения на письме, орфография менялась. Цезарь в надписях ввел регулярное написание с <I>, а Август вернулся к написанию <V>, о чем свидетельствуют его надписи (*Varie etiam scriptitatum est mancipium aucupium manubiae, siquidem C. Caesar per i scripsit, ut apparet ex titulis ipsius, at Augustus [i] per u, ut testes sunt eius inscriptiones* – Vel. Long. De Orthographia 67). Очевидно, что такое архаизирующее написание находилось в согласии с общей политикой Августа, стремившегося возродить отеческие нравы. Однако – вопреки приведенным свидетельствам – Monumentum Ancusranum, в котором представлено описание деяний Августа, последовательно проводит написание с <i> во всех случаях, где возможны такого рода графические колебания.

Вариативность написания скрывает, согласно римским грамматикам, обозначение звука, для передачи которого не было отдельной буквы. Во всех этих случаях у исследователя нет уверенности, что речь идет действительно об отдельной фонеме⁴⁹, а не о фоностилистике определенного времени.

⁴⁹ В свое время М. Лежен (Lejeune 1951: 95–102) предположил действие умлаута, опираясь на случаи, когда в одном и том же суффиксе (*Catulus/Catilina, exorabulum/exorabilis, Siculus/Sicilia*) под влиянием гласного последующего слога может меняться тембр гласного.

Дифтонги делятся на *восходящие* (*ie, ia, io, ia* etc.) и *нисходящие* (*ai, ei, oi*) и *ii*. Названия «восходящие» и «нисходящие» отражают представление о треугольнике гласных, принятое в XIX веке (см. стр. 45). Дифтонг, так же как и гласный, составляет вершину слога и всегда относится к одному слогу. Для латинского и древнегреческого языков обычны *нисходящие дифтонги*.

В III в. до н. э. древние дифтонги монофтонгизируются (*dīuus, nī*), при том, что еще в надписях IV в. до н. э. они могут появляться без изменений – *deiuos* ‘божественный’, *nei* ‘не, чтобы не, если не’. Монофтонгизация наблюдается в окончаниях им. пад. мн. ч. тематических основ *plourume = plūrimī*, и основ на согласный и дифтонг, например, в дат. пад. ед. числа *Ioui*, в ранних надписях *dioue < *dieu-ei* (ср. микенскую форму с тем же окончанием *di-we /Diwei/* ‘Зевсу’). Написание <ei> продолжает употребляться: *uirei (uirī), ceiuīs (cīuis), deicerent (dīcerent)* и даже *decreiuit (decrēuit)*, где никакого дифтонга исторически не было.

В начале II в. до н. э. еще сохранялись два способа записи <EI> и <E>, которые отчетливо показывают, что результат монофтонгизации дифтонга /ei/ первоначально отличался от унаследованного /ī/. Поэтому для данного периода постулируют закрытое долгое /ē/.

Рукописная традиция текстов Плавта и Теренция содержит определенную путаницу, в частности, допуская написания типа *audeire, omneis* и т. п. в словах, где было этимологическое /ī/. Показательно, что от слова *filius* род. пад. *filī* всегда двусложный, а им. пад. мн. ч. – трехсложный, что можно объяснить происхождением формы *filī* из более древнего *filīē*.

В надписях ок. 160 г. до н. э. появляются такие написания как <purgati> вместо более ранних <purgate>/<purgatei>, свидетельствующие о переходе /ē/ > /ī/. Характерно, что данные романских языков (ср. франц. *estoive*, которое восходит не к литературному *stīua*, а к народному *stēva*) показывают наличие в

сельской латыни /ē/ там, где классическая латынь имела /ī/: *uella* = *uilla*, *spēca*⁵⁰ = *spīca* и т. д. (Varro RR I, 48 2).

В некоторых позициях происходят фонетические изменения, способные повлиять на языковую систему. Так, в позиции перед /r/ гласный произносится более открыто, чем в других позициях. Отсюда частые переходы *e* > *a*, *i* > *e* в позиции перед /r/.

В классическое время сохраняются дифтонги *ae* и *au*. Первый регулярно передается в греческой записи как *αι*, а второй – обычно как *αυ* (*αυτερ*), реже *αο* или *αου*.

В архаических латинских надписях дифтонг /ai/ передается как <AI>, а затем – с помощью диграфа <AE>, что находит параллели в диалектных надписях Греции (например, в беотийском тексте VI в. до н. э. ἐλί Φηκαδάμοε ἐμί – IG VII 593). Судя по всему в Риме такое написание возникло независимо от греческих диалектных вариантов и достаточно поздно – только во II в. до н. э., причем в надписи 186 г. соседствуют написания *aedem* и *aiquom*. Квинтилиан и Теренций Скавр говорят о звуке [e] в исходе дифтонга, а не об [i]⁵¹, однако о дифтонге /ai/ говорят и случаи передачи латинских слов средствами греческой графики, и заимствования латинских слов в первые века новой эры (например, валлийское *praidd* <*praedium*>).

Диграф /AE/ может передавать исконные дифтонги с краткими элементами (например, в корне глаголов *caedō* etc.), дифтонги с долгим первым элементом (dat. sg. на *-āi*) и двусложные окончания nom. pl. *-āī*, представленные еще у Плавта (но не у Теренция), у Энния, Луцилия и даже у Вергилия.

⁵⁰ «*spica[m] autem, quam rustici, ut acceperunt antiquitus, vocant specam, a spe videtur nominata...*» – ‘Как кажется, *spica* (‘колос’), которую сельчане именуют *спеса*, как издревле слышали, названа так от ‘надежды’ (*spes*)’.

⁵¹ *Ae* syllabam, cuius secundam nunc *e* litteram ponimus, uarie per *a* et *i* efferebant, quidam semper ut Graeci, quidam singulariter tantum, cum in datiuum uel genetiuum casum incidissent, unde ‘*pictai uestis*’ et ‘*aquai*’ Vergilius amantissimus uetustatis carminibus inseruit. In isdem plurali numero *e* utebantur: ‘*hi Sullae, Galbae*’. (Quint. Inst. Or. I 7 18); *a* igitur littera praeposita est *u* et *e* litteris, *ae*, *au* ... apud antiquos *I* littera pro ea scribebatur ... ut *pictai uestis* sed magis in illis *e* novissima sonat. (Terent. Scaur. GL VII 16 K).

Долгий гласный, употребленный вместо дифтонга, зачастую считался признаком деревенской речи. Так, Варрон определяет произношение *hēdus* как встречающееся только in Latio rure: «*circus, quod Sabini fircus; quod illic fedus, in Latio rure [h]jedus: qui in urbe ut in multis A addito aedus*» (Varro LL V 97).

В разговорном языке и дифтонг /au/ монофтонгизовался в *ō*, причем уже в надписи 184 г. до н. э. присутствуют примеры такого произношения (*Cesula = Caesulla, Pola = Paulla*), затронувшего даже термины родства (*lēuir < *daiŭer*, рус. *дъверь* с изменением d- > l- как в лат. *lacrima < *dacruma*, ср. греч. *δάκρυ*). В своих письмах Цицерон употребляет простонародные формы *polulum* (/pōlulum/ = *paululum*), *oricula* (/ōricula/ = *auricula*), но в официальной обстановке такого рода просторечие не допускалось. В ряде случаев даже вводились гиперкорректные написания *scaena* (σκήνη), *scaeptrum* (σκήπτρον) и т. д. Сохранился анекдот про сенатора Флора (Florus), который непочтительно поправил *plosra* на *plaustra* в речи Веспасина, за что император назвал его *Flaurus*.

В позднейшее время дифтонг /au/ иногда отражается на письме просто как <A>. В греческой передаче IV в. н. э. (P. Fay. 135 verso) название месяца *αγουστος* отражает произношение *Augustus* вм. *augustus* (оно же лежит в основе всех романских отражений этого слова: итал., исп., порт. *agosto*, прованс., катал. *agost*, фр. *août*). В романских языках дифтонг /au/ сохранялся достаточно долго (смена c- > ch- во французском предшествует монофтонгизации, ср. *chose < causam* как в *char < carrum*), а в румынском и в ряде романских диалектов дифтонг доживает до наших дней.

Латинский дифтонг /oe/ известен лишь по нескольким примерам, поскольку унаследованный и.-е. дифтонг *oi в большинстве случаев перешел в /ū/. Еще во II в. до н. э. представлены написания *comoine = commune*, *oino = unum*, а также *n(e)+oinom > *noenu(m) = nōn*. Неясны условия сохранения этого устойчивого /oe/: *poena* при *punire*, *Poenus* при *punicus*, *moenia* при *munire*, *foedus, faetor, oboedio, atoenus, proelium*. В позднем латинском языке происходит монофтонгизация, результат которой по тембру ближе к долгому /ē/, нежели к дифтонгу /ae/.

Дифтонг /ui/, возможно, существовал в классическом латинском языке, по крайней мере, в односложных формах *huic*, *cui* (см. выше раздел о полугласных).

Дифтонг /eu/ представлен формами *ceu*, *seu*, *neu*, *neuter*, междометием *heu*, *heus* и заимствованными греческими именами собственными, в которых, как настаивает Сидней Аллен, эта последовательность представляет собой не долгое \bar{e} , за которым следует *u*, а скорее \check{e} , за которым следуют два неслоговых *ui*.

Дифтонг /ei/ проявляется в контрагированных формах *dein* (de) – Ouid. *Metamorph.* IX 143), *de(h)inc* (Verg. *Aen.* I 131), *anteit* (Ouid. *Metamorph.* XIII 366), *aureīs* (Verg. *Aen.* I, 726) и в односложных формах генитива и датива *reī*.

Дифтонг /ou/ еще в конце III в. до н. э. перешел в долгое / \bar{u} /, и хотя в надписи 23 г. до н. э. представлено совсем архаизирующее написание *iou*s, единственное слово, где мы встречаем этот дифтонг в классическом латинском языке, – это *prout*, которое читается в один слог у Горация (Horat. *Sat.* I 6, 67).

Заключая этот краткий очерк латинской фонологии, хотелось бы подчеркнуть, что для интерпретации латинских текстов и тем более – текстов на архаической латыни (документов, надписей, литературных произведений) необходимы знания в области индоевропеистики и исторической фонетики латинского языка. Данный очерк до некоторой степени может служить введением в эту простую проблематику.

Литература

- Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 1–2. Тбилиси, 1984.
- Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. 2-е изд. М.: 1976 .
- Казанский Н. Н. Победная надпись Тита Квинкция (Liv. VI, 29, 9) // Палеобалканистика и античность. М., 1989. С. 165–169.
- Казанский Н. Н. Синкопа в латинском языке и проблемы фразовой интонации // Теоретические проблемы языкознания. Сборник статей к 140-летию кафедры общего языкознания Филологического факультета СПбГУ / Гл. ред. Л. А. Вербицкая. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. С. 99–111.
- Казанский Н. Н., Крючкова Е. Р. Материалы по греко-индийскому билингвизму эллинистической эпохи // Индоевропейское языкознание и классическая филология – VI. СПб.: Наука. 2002. С. 69–81.
- Нидерман М. Историческая фонетика латинского языка. Пер. Я. М. Боровского. М.: Изд-во иностранной литературы, 1949.
- Откупщиков Ю. В. Лат. mortuus, др.-рус. мѣртвь // Colloquia classica et indo-europeica. Классическая филология и индоевропейское языкознание / ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Алетей, 2000. С. 107–112).
- Степанова Л. Г., Сухачев Н. Л. Далматинский язык // Основы Балканского языкознания. Языки балканского региона. Ч. 1. Л., 1990. С. 248–257.
- Толстой А. К. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 3. Драматические сочинения. М.: Изд-во "Правда", 1969.
- Тронский И. М. Историческая грамматика латинского языка. Общеиндоевропейское языковое состояние (*вопросы реконструкции*). 2-е дополненное издание. Подготовили А. В. Грошева, М. Л. Кисилиер, Е. Р. Крючкова, Н. Н. Надель. Послесловие Н. Н. Казанского и А. И. Солопова/ Отв. редактор Н. Н. Казанский. – М.: Индрик, 2001.

- Adams J. N. *The Regional Diversification of Latin, 200 BC – AD 600*. Cambridge: CUP, 2007.
- Allen W. S. *Vox Latina: A Guide to the Pronunciation of Classical Latin*. Cambridge University Press, 1978.
- Bartoli M. *Das Dalmatische: Altromanische Sprachreste von Veglia bis Ragusa...* // *Keiserische Akad. der Wiss. in Wien. Schriften der Balkankommission. Linguistische Abt.* 1906. Bd. 4–5.
- Biville F. *Existait-il une diphtongue ui en latin* // J. Herman (ed.). *Linguistic Studies in Latin. Selected papers from the 6th International Colloquium on Latin Linguistics (Budapest, 23–27 March 1991)*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1994. P. 3–18.
- Bowman A. K., Tomlin R. S. O., Worp K. A. *Emporio bovis frisca: The “Frisian ox sale” reconsidered* // *Journal of Roman Studies*. 2009. Vol. 99. P. 156–170.
- Brandenstein W. *Kurze phonologie des Lateinischen* // F. Altheim (ed.) *Geschichte der lateinischen Sprache von Anfängen bis zum Beginn der Literatur*. Frankfurt a.M., 1951.
- CIL – *Corpus Inscriptionum Latinarum*.
- Clackson J. (ed.) *A Companion to the Latin Language*. Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 2011.
- Clackson J. *Subgrouping in the Sabelian Branch of Indo-European* // *Transactions of the Philological Society*. 2013. P. 18.
- Dickey E., Chahoud A. (eds.). *Colloquial and Literary Latin*. Cambridge: CUP, 2010.
- Dickey E. *Learning Latin the Ancient Way: Latin Textbooks from the Ancient World*. Cambridge: CUP, 2016;
- GL – *Grammatici Latini* ed. H. Keil. Vol. I–VI. Leipzig, 1855–1880.
- Godel R. *Les semi-voyelles en latin* // *Cahiers Ferdinand de Saussure*. 1984. T. 38. P.193–200,
- Herman J. *La disparition de -s et la morphologie dialectale du latin parlé* // J. Herman. *Du latin aux langues romanes II. Nouvelles études de linguistique historique*. Tübingen, 2006. P. 333–342.
- Hofmann J. B. *Lateinische Umgangssprache*. 3. Aufl. Heidelberg: C. Winter Verlag, 1951.
- Humm M. *Appius Claudius Caecus. La République accomplie*. Rome, 2005. (цит. по: <http://books.openedition.org/efr/1621>).
- IG – *Inscriptiones Graecae*.

- Janko R. From Gabii and Gordion to Eretria and Methone: The Rise of the Greek Alphabet // *Buletin of the Institute of Classical Studies, University of London*. 2015. Vol. 58, 1. P. 1–32.
- Jeffery L. *Local Scripts of Archaic Greece*. Oxford, 1961.
- Kramer Joh. *Glossaria bilingua in papyris et membranis reperta* / hrg. und kommentiert von Joh. Kramer. Bonn: Dr. R. Habelt, 1983.
- Lejeune M. Notes de linguistique italique IV, umlaut // *Revue des Études Latines*. 1951. T. 29. P. 95–102.
- Lejeune M. *Phonétique historique du mycénien et du grec ancien*. Paris, 1973.
- Leumann M. *Lateinische Grammatik 1. Lateinische Laut- und Formenlehre*. 2. Aufl. München, 1977.
- Meiser, G. *Historische Laut- und Formenlehre der lateinischen Sprache*. Darmstadt, 1998.
- Mignot X. Phonologie Pragoise et phonologie générative dans la description du latin // *BSL*. 1975. T. 70, 1. P. 203–231.
- Pandolfini M., Prosdociami A. L. *Alfabetari e insegnamento della scrittura in Etruria e nell' Italia antica*. Firenze, 1990. Направление письма справа налево.
- Schmitt R. *Einführung in die griechischen Dialekte*. 2. Aufl. Darmstadt, 1991.
- Schrijver P. *The Reflexes of the Proto-Indo-European Laryngeals in Latin*. Amsterdam; Atlanta: Rodopi, 1991 (= *Leiden Studies in Indo-European 2*).
- Sihler A. *New comparative grammar of Greek and Latin*. New York; Oxford: OUP, 1995.
- Solopov A. De supini in infinitivo futuri passivi formis // *Hyperboreus: Studia classica*. 2001. Vol. 7. Fasc. 1–2. P. 295–300 (= *In memoriam Alexandri Ios. f. Zaicev. Petropoli*, 2001)
- Sommer F. *Handbuch der lateinischen Laut- und Formenlehre. Eine Einführung in das sprachwissenschaftliche Studium des Lateins*. 3. Aufl. Heidelberg, 1914.
- Touratier Chr. *Essais de morphologie synchronique du verbe latin* // *Revue des études latines*. 1971. T. 49.
- Wartburg W. von. *Französisches etymologisches Wörterbuch*. Bonn: Kurt Schroeder, 1925.
- Weiss M. *Outline of the Historical and Comparative Grammar of Latin*. Ann Arbor: Beech Stave Press, 2009.

Оглавление

I. Фонетическая система латинского языка.....	3
источники знаний о фонологии латинского языка.....	5
II. Система консонантизма и ее отражение в текстах.....	12
смычные.....	12
лабиовелярные.....	17
придыхательные.....	21
назальные.....	24
плавные /l/ и /r/.....	29
спиранты.....	31
полугласные.....	37
III. Система вокализма.....	45
гласные.....	45
дифтонги.....	52
Список литературы.....	56

Отделение историко-филологических наук

Н. Н. Казанский
Очерк фонологии латинского языка

Формат 60 x 84/16

Гарнитура Таймс

Усл.-печ. л. 3,49

Учетно-изд. л. 2,9

Тираж 50 экз.

Заказ

Издатель – Российская академия наук

Подготовлено к печати Управлением научно-издательской
деятельности РАН

Отпечатано на оборудовании Управления делами РАН
Издано в авторской редакции

Издается в соответствии с распоряжением
Президиума Российской академии наук
от 24 октября 2017 г. №10106-765,
распространяется бесплатно

ISBN 978-5-906906-82-3



9 78 - 5 - 906906 - 82 - 3